ДМИТРИЙ МУРАШОВ

ЛЕРМОНТОВКА

СОВЕТСКИЙ ФОРМАТ

1917–1957

«Пропаганда произведений классиков марксизма-ленинизма и их биографий, а также оказание помощи в изучении истории ВКП (б)…»

Пензенская областная библиотека
имени М. Ю. Лермонтова

Д. Мурашов

Лермонтовка:
советский формат

очерки истории 1917-1957 годы

Пенза 2015

ББК 78.34 (2Рос-4 Пен)
М 91

Печатается по решению Ученого совета
Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова

Рецензент:
Л. В. Рассказова, кандидат культурологии,
главный хранитель Объединения государственных
литературно-мемориальных музеев Пензенской области

Мурашов, Д. Ю. Лермонтовка: советский формат : очерки истории 1917-1957 гг. / Д. Ю. Мурашов. — Пенза, 2014. — 68 с.

В книге рассказывается об истории Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова в период советской власти, с 1917 по 1957 год.

Для широкого круга читателей.

© ГБУК «Пензенская областная библиотека имени М.Ю. Лермонтова», 2015
© Мурашов Д. Ю., 2015

Это было, это было в те года,
От которых не осталось и следа.

Это было, это было в той стране,
О которой не загрезишь и во сне.

Н. Гумилёв

Пункт агитации и пропаганды

До революции 1917 года Пензенская общественная библиотека имени М.Ю. Лермонтова была самой главной библиотекой губернии. Она самостоятельно определяла курс своего развития, принципы формирования фонда. Показательна дискуссия, возникшая в 1916 году, между бывшим председателем правления библиотеки Константином Романовичем Евграфовым и действующим его председателем Константином Павловичем Феоктистовым. «Яблоком раздора» стала современная беллетристика. Феоктистов настаивал на покупке библиотекой произведений современных писателей, а Евграфов утверждал, что они портят вкус и надо закупать классику (1). Губернская власть находилась в стороне от спора, предоставив его решение правлению библиотеки.

Централизованной сети библиотек в губернии не было. Книги закупались библиотеками самостоятельно, в основном с книжного склада губернского земства. Периодически фонды библиотек проверялись на наличие в них запрещенной литературы. Но этот контроль был слабым.

Правление Лермонтовской библиотеки старалось придерживаться передовых идей библиотековедения. Согласно им библиотека «может и должна представлять собой книжное отражение вселенной, всех ее областей — и в отдельности, и в связи, и в частности, и в целом», а сами «общественные библиотеки ... должны делаться общественными орудиями самообразования» и иметь открытый характер («общеобразовательная библиотека ... не замалчивает и не прячет от читающей публики никакого литературно-общественного, философского или научного течения») (2). Обращалось внимание на то, что «публичные и народные библиотеки по своему книжному составу должны быть чужды какой-либо политической, национальной или религиозной тенденции» (3).

Совсем другой подход был предложен большевиками. Общественные библиотеки превращались в центры коммунистической пропаганды, а библиотекари — в бойцов идеологического фронта. Согласно советскому «Политическому

словарю» 1940 г., широко распространенному и после Великой Отечественной войны, пропаганда — это «глубокое разъяснение учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, истории партии большевиков и ее очередных задач» (4). В словаре нашлось место и библиотеке. Она определялась как «собрание книг, газет, журналов, географических карт, рукописей, предназначенных для общественного пользования» (5).

Из отчета Пензенской областной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова (1948 г.):

«Основным содержанием работы областной библиотеки им. Лермонтова в 1948 году была пропаганда важнейших решений партии и советского правительства по всем вопроса народно-хозяйственного плана нашей страны, пропаганда решений Всероссийского совещания библиотечных работников и мобилизация трудящихся на выполнение этих решений.

Задачами 1948 года были:

1. Развертывание идейно-воспитательной работы среди трудящихся города и области, пропаганда русской науки и культуры в свете решений ЦК ВКП (б) по идеологическим вопросам;

2. Пропаганда произведений классиков марксизма-ленинизма и их биографий, а также оказание помощи в изучении истории ВКП (б);

...5. Пропаганда лучшей классической и современной художественной литературы, воспитывающей читателей в духе патриотизма и любви к нашей Родине» (6).

А вот некоторые голоса эпохи. Специально без фамилий, но точно по тексту протокола партийного собрания коммунистической ячейки в областной библиотеке имени Лермонтова 23 марта 1953 г., повестка «О революционной бдительности».

Первый выступающий: «...отметила особую важность бдительности в библиотечной работе, на этом важнейшем участке идеологической работы. Она привела некоторые факты из работы областной библиотеки, когда обнаружены были книги с контрреволюционными надписями читателей (1948 год; книга В. И. Ленина «Государство и революция»). Призвала работников библиотеки быть еще более бдительными, тщательно просматривать выдаваемые читателям книги и принимаемые от них книги».

Второй выступающий: «заявила, что партия и советское правительство постоянно учат советских людей быть бдительными, так как политическая бдительность была и остается могучим оружием построения коммунизма в нашей стране. Библиотечные работники, как и все советские люди, должны быть бдительными, их задача — обслуживать читателей только идеологически выдержанной литературой. Фонды библиотеки не должны быть засорены идеологически вредной, устаревшей литературой» (7).

***

Интенсивное создание новой библиотечной сети в Пензе и губернии началось в 1920 г. после принятия Советом народных комиссаров декрета «О централизации библиотечного дела в РСФСР». В соответствии с ним библиотеки независимо от ведомственной принадлежности передавались в подчинение Народного комиссариата просвещения, связывались в общую сеть и объявлялись общедоступными. Устанавливалось централизованное снабжение массовых библиотек книгами через систему библиотечных коллекторов. Идеологически вредные, не соответствующие политике советского правительства, книги из библиотек «вычищались». В коллекторы литература поступала из государственного издательства («Госиздат»), также находившегося в подчинении Наркомпроса. За их идеологической выдержанностью следила советская цензура — главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), созданное в 1922 г. Оно же проверяло деятельность библиотек на предмет наличия или отсутствия запрещенной литературы.

Лермонтовка вошла в структуры отдела народного образования 1 января 1921 г. После революции она называлась центральная губернская библиотека имени М. Ю. Лермонтова. Свой региональный статус библиотека сохраняла до 1928 г., когда решением правительства Пензенская губерния была упразднена. Вновь региональной библиотека стала в 1939 г., после создания Пензенской области.

Вопрос о вхождении Лермонтовской библиотеки в единую библиотечную сеть обсуждался ее правлением с 1918 г., со времени выхода ленинского декрета «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР». Об этом свидетельству-

ют журналы Лермонтовского общества, в одном из которых 10 ноября 1918 г. сделана запись: «поручить Закс (Борис Яковлевич Закс — председатель правления Лермонтовского общества — ***Д. М.***) проговорить с Москвой шаги к сохранению возможной автономии Лермонтовской библиотеки, а также ее финансирование» (8).

Отчасти это удалось. В 1919-1920 гг. библиотека сохраняла самостоятельность. Внешкольный отдел народного образования выделял ей средства на культурно-просветительскую работу, а пензенское потребительское общество, не желавшее, кстати, передавать свою библиотеку в городской отдел народного образования, — деньги на заработную плату. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что в это время библиотека испытывала большие трудности с кадрами. Очень много сотрудников болело тифом. В связи с этим к Лермонтовке решением отдела образования прикомандировывались «школьные работники», которые, впрочем, не всегда приходили на рабочее место (9). Об этом руководство библиотеки писало в отдел народного образования в феврале 1920 г.

В единую библиотечную сеть Пензы планировалось включить до тридцати библиотек для взрослых и детей. Но имевшегося в распоряжении отдела образования библиотечного фонда не хватало. Поэтому библиотечная секция при внешкольном отделе направила письмо в губернское ЧК с просьбой «передать для пополнения библиотек реквизированные у контрреволюционеров книги, географические карты, художественные картины, таблицы и диаграммы, а также другие предметы музейного характера, которые согласно декретам могут быть использованы отделом народного образования для целей внешкольного просвещения» (10). Этим же, 1920 г., датируется еще одно письмо городского отдела образования, адресованное в пензенский губернский военный комиссариат. В нем говорится: «желая использовать городские библиотеки для целей политической агитации», просим «вас выделить для пополнения библиотек необходимое количество книг и брошюр соответствующего содержания» (11).

В середине 20-х гг. в Пензе было 57 библиотек (12), из них по 18 (64 %) входили в систему профсоюзов и школ, 5 (9 %) принадлежало учреждениям профессионального об-

разования, по 2 (7 %) военным организациям и кооперативам, 3 (5 %) были районными детскими библиотеками. В подчинении Губоно находилось три библиотеки: центральная губернская библиотека, центральная библиотека нацмен и районная библиотека имени Белинского. Самый высокий статус принадлежал библиотеке имени Лермонтова. Она была центром библиотечной работы города и губернии.

На 1 января 1921 г. штат губернской библиотеки насчитывал 35 человек. Большинство из них (31 человек или 89 %) было женщинами (13). Возглавлял библиотеку Б. Я. Закс (1883—1951), историк, специалист по истории революционного движения. В 1926 г. он вместе с директором музея Революции С.И. Мицкевичем, старым большевиком, издаст «Альбом первой русской революции 1905-1907 гг.», станет профессором.

Интересен возрастной и образовательный ценз работников библиотеки. Самому молодому из них был 21 год, самому старому — 46 лет. Средний возраст — 30 лет. Из тридцати пяти человек, работавших в библиотеке, семь (20 %) имели высшее образование, двадцать (57 %) — среднее.

Анкеты библиотечных работников Пензы 1927 г., сохранившиеся в архиве, позволяют персонифицировать некоторых сотрудников Лермонтовки (14).

Ольга Александровна Благоданова, 42 года, замужняя, по социальному происхождению крестьянка. Беспартийная. Образование — среднее, стаж работы 23 года, библиотечный стаж — 10 лет. Интересуется библиотечной работой с детьми, историей книги, профессиональное мастерство повышает, читая журнал «Красный библиотекарь».

Луцкова Екатерина, 39 лет, семейная, по социальному происхождению — мещанка. Беспартийная. Образование — среднее. Интересуется библиотечной работой в целом. По библиотечному делу «читает все, что попадается в руки».

Валентина Васильевна Никитина, 1899 года рождения. Девица. Дочь рабочего. Образование — среднее. Библиотечный стаж с 1 марта 1919 г. Интересуется библиотечной работой в целом.

Смирнова Эрмилия Николаевна, 36 лет. Дочь чиновника. Образование — высшее. Беспартийная. Библиотечный стаж с 1919 г. По библиотечному делу «читает всё, что попадется».

Андрей Алексеевич Державин, 53 года. Женат. Сын пономаря. Образование — среднее. Библиотечный стаж — 7 лет. Беспартийный. Интересуется обслуживанием рабоче-крестьянских театров специальной литературой.

Наталья Дмитриевна Макова, 38 лет, семейная. По социальному происхождению — мещанка. Окончила исторический факультет высшего учебного заведения. Беспартийная. В библиотечном деле — с 1925 г. Профессиональное мастерство повышает, читая журнал «Красный библиотекарь».

Мантейфель Ольга Дмитриевна, 1877 года рождения. Семейная, дочь чиновника. Образование — среднее. Беспартийная.

После перехода в губернский отдел народного образования библиотека взялась за пропаганду юношеских сельскохозяйственных артелей, при ней была организована из малолетних читателей сельскохозяйственная артель «Пионеры». Также при библиотеке для юных читателей открылись детский сад «Маленькие Робинзоны» и общеобразовательные курсы имени Ленина (15). В 1925 г. в Лермонтовке, как и в других библиотеках губернии, был создан уголок Ленина. «Уголок откликался на все политические события, революционные праздники, агиткампании, используя их для ознакомления трудящихся с учением Ленина и вовлечения их в общественную работу». За уголок отвечали сотрудник библиотеки и комсомолец, специально прикомандированный к библиотеке. «Библиотека выполнит заветы Ленина, если воспитает из своих читателей сторонников материалистического мировоззрения, активных советских граждан, умеющих пользоваться книгой для коммунистического строительства, если примет активное участие в установлении смычки города с деревней и других видах общественной работы, завещанной нам Ильичом» (16), — говорилось на конференции библиотечных работников Пензы.

Как известно, 1921 год был переломным годом гражданской войны. Новая экономическая политика, введенная Лениным, перетянула на сторону большевиков крестьянство и обеспечила им победу в гражданской войне. Однако партийное руководство Пензенской губернии воспринимало нэп, как отступление на пути движения в коммунистическое общество. Об этом оно сообщило 13 февраля 1923 г. библиоте-

карям Пензы на их общем собрании. «Новая экономическая политика, — говорил заведующий Губполитпросветом Прончатов, — способствует развитию буржуазной идеологии — библиотека должна всемерно бороться с этим фактом и не только мерами пресекающими, но и предупредительными. Таким образом, одна из основных задач современности для библиотеки — борьба в области отражения буржуазной идеологии. Библиотека должна быть использована как пункт агитации и пропаганды, стать центром распространения «живого» слова. С этой целью, библиотека живо отзывается на все события текущей жизни, обращая свое особое внимание на проведение всякого рода агиткампаний и революционных празднеств» (17). Представитель власти обратил внимание и на «политическую отсталость» библиотечных работников и порекомендовал только что созданному городскому библиотечному Совету, «развивать политическое просвещение своих членов путем постановки докладов и рефератов на политические темы». Показательно, что спустя четверть века, в 1948 г., тоже представитель партийного руководства, но уже не из области, а города, присутствуя на партийном собрании в библиотеке, отметил у ее сотрудников «отсталость от жизни», «недалекий кругозор», нежелание повышать свой «идейно-политический уровень». Он же говорил о «косности, мертвечине в работе» библиотеки (18).

Раз библиотека — пункт агитации и пропаганды, то его сотрудники должны быть примерными бойцами идеологического фронта. Библиотечный совет (секретарем его стала директор Лермонтовки Мария Ивановна Коваленко) стал проводить для библиотекарей лекции по политической истории России и мира. На них рассматривались (это лишь некоторые темы середины 20-х гг.): Парижская коммуна, революция 1905 года, декабристское движение. В то же время Библиотечный совет организовал занятия по совершенствованию профессионального мастерства библиотекарей. Центром методической работы стала библиотека имени Лермонтова. Перечень тем, подготовленных на городскую конференцию по переподготовке библиотекарей летом 1925 г., позволяет установить направления методической работы. Вот эти темы: изучение книги, работа с беллетристкой, пропаганда книги, массовая внешкольная пропаганда, руко-

водство чтением, работа с читателем, организация читателей, работа с детьми, ленинизм в библиотеке, охрана книг, библиотека и самообразование, революционные праздники и кампании в библиотеке, работа передвижных библиотек, годовой план работы библиотек (19).

В 1924 г. Главполитпросвет выпустил первое советское пособие по библиотечной технике (20). Знакомство с ним позволяет увидеть работу библиотекаря с книгой: от ее приема до выдачи читателю. Издание, хранящееся в Лермонтовке, испещрено карандашными пометками. Это говорит о том, что работа с книгой в библиотеке в 20-е годы строилась точно по нему.

Итак, *приемка книг*: «Поступающие в библиотеку книги принимаются по счету, накладной, списку, официальному отношению учреждения, письму частного лица или какому-либо другому сопровождающему книги документу. На документе делаются пометки о каждой принятой книге. Документы подшиваются и хранятся при библиотеке». *Обработка книги*: «Все книги, после их проверки и составления акта приемки, немедленно же вписываются в Регистрационную книгу». «На каждой книге ставятся 3 штемпеля: на титульном листе, на 17 странице и на последней странице». «Книги классифицируются по сокращенным таблицам десятичной системы Международного Библиографического Института». «Каждая книга получает авторский знак по авторским таблицам Кеттера. Шифр книги представляет собой дробь, числитель у которой — индекс десятичной системы, а знаменатель – авторский знак». *Библиотечный почерк*: «буквы следует писать без украшений. Не пользоваться промокательной (пропускной) бумагой. Буквы надо писать прямо, без наклона. Необходимо единообразное начертание букв. Между буквами и словами сохраняется определенное расстояние». *Абонемент*: «Работа абонемента библиотеки распадается на запись читателя, выдачу и приемку книг. При записи читателя библиотекарь предлагает читателю прочесть правила пользования библиотекой, затем заполняет путем опроса формуляр читателя» (21).

Особое внимание уделялось работе библиотекарей с детьми. Вот лишь некоторые тезисы, прозвучавшие по этой теме на конференции библиотекарей Пензы 23 сентября 1925 г.

«В оценке детской книги содержание книги должно быть на первом месте. Детская книга должна быть проникнута новой идеологией и бодрым настроением. Детская книга должна соответствовать возрастным особенностям и интересам детей. В детской книге должен отсутствовать сентиментально-романтический элемент и преобладать реалистический. Фантастика нужна постольку, поскольку она расширяет умственный кругозор юного читателя и раскрывает перед ним движение человека к лучшему будущему. Детская книга должна быть написана простым, понятным ребенку языком».

Из выступления О. А. Благодановой, заведующей детским отделением Лермонтовки: «Детям нужна юмористическая литература, вызывающая здоровый смех, не нужны детям сказки, проникнутые стремлением к мещанскому благополучию, ненужной жестокостью, элементами непонятного и чудесного, вызывающими в детях страх…» (22).

Интересны ответы Благодановой на заданные ей вопросы. Они вводят в круг чтения детей двадцатых годов прошлого века. Говорят о разрешенных и запрещенных для чтения книгах. Так повесть Л.Н. Толстого «Детство Никиты» отсутствовала в «указателях для детских библиотек». Не рекомендовались для чтения все произведения Майн Рида, «Хижина дяди Тома» Бичер Стоу. В то же время среди рекомендованных для детей книг были произведения Марка Твена и Чарльза Диккенса, «Крокодил» Корнея Чуковского, журналы «Мурзилка», «Пионер», «Барабан». Любопытно, что до революции, согласно отчетам общественной библиотеки имени Лермонтова, Майн Рид был самым читаемым писателем в бесплатной народной библиотеке-читальне имени Белинского, где основной контингент посетителей составляли учащиеся пензенских гимназий и школ. Марк Твен и Чарльз Диккенс значительно ему уступали. В 1907-1908 гг., например, произведения Майн Рида выдавались 1275 раз, Марк Твена — 175, Чарльза Диккенса — 137. Книги Бичер Стоу — 92 раза (23).

В своем выступлении О. А. Благоданова также отметила, что «девочки любят сентиментальные» книги, а «мальчики приключения и технические рассказы». Мальчики «больше интересуются новыми книгами, чем девочки» и чаще ходят в читальный зал для взрослых читать периодические издания.

По инициативе Лермонтовки в 1925 г. в Пензенской губернии впервые прошла «Неделя книги» (24). Она вовлекала в библиотеку новых читателей из среды рабоих и крестьян и знакомила их с методикой и гигиеной чтения книг и газет.

По словам М. Л. Гаспарова, в это время культура росла «вширь», огромные массы людей приобщались к книге (25).

Издержкой такого приобщения был его политизированный характер. Многие по-настоящему талантливые произведения литературы из-за идеологического несоответствия не находили своего читателя. Но читать было модно.

Кирилл Вишневский, филолог: «Читать я научился рано. Боюсь соврать, но, судя по журналам, которые я читал именно в годы их выхода, лет с 6, если не с 5 — столько мне было в 1928-1929 годах. Впрочем, это не столь уж важно: я продолжаю перечислять не только то, что было в нашем доме, а то, что попадало в круг чтения. Хотя для некоторых обобщений пригодится и то, и другое. Родители читали много, постоянно обменивались книгами с приятелями, хотя в библиотеках записаны не были. Таким образом, через наше семейство прошли многотомные собрания Дюма, Стивенсона. Русская классика была своя. Кумирами были Гоголь и Алексей Константинович Толстой — и «Князь Серебряный», и особенно его стихи. И то, и другое постоянно читали вслух за чайным вечерним столом. Конечно, почти все, что читали родители, читали и мы, их дети» (26).

Статьи о чтении публиковалось в местной прессе.

Газета «Социалистический путь» (Нижний Ломов, 1939 г.): «Пудовкин Алексей Александрович — член колхоза «16 Октябрь». Он считается одним из лучших колхозников, выполняет все сельскохозяйственные работы. В нынешнем году у него заработаны 600 трудодней. В свободное от работы время Алексей Александрович занимается чтением художественной литературы. Читает книги и его жена Татьяна Ивановна. У них в дому имеется своя небольшая библиотека, состоящая из классической и современной литературы. На полке стоят произведения Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, М. Горького, Шолохова и других писателей. Одновременно Пудовкин выписывает две газеты. Имеются личные библиотеки у колхозников Жагулина Ф. А., Жагулина И. П. и других» (27).

Газета «Клич ударника» (Неверкино, 1939 г.): «Кладовщик нефтебазы Неверкинской МТС товарищ Курташкин Ф. М. за год прочитал 19 книг художественной литературы. Им прочтены произведения видных русских классиков, а также советских писателей и западноевропейских писателей, как-то «Дубровский» (А. С. Пушкин), «Тихий Дон» (Шолохов), «Цусима» (Новиков-Прибой), «Как заклялась сталь» и «Рожденные бурей» (Островский), «Дон Кихот», «Двадцать тысяч лье под водой» (Ж. Верн) и ряд других книг. Товарищ Курташкин также регулярно читает газеты и журналы» (28).

В библиотеках и в книжных магазинах области, как и в стране в целом, находилась литература, разрешенная цензурой. Политически вредная и устаревшая, с точки зрения советской власти, литература изымалась и уничтожалась. Произведения советских классиков (например, Д. Фурманова и Н. Островского) из-за политических процессов 30-х годов редактировались. «Чапаева» и «Рожденных бурей» советский читатель после 1927 г. никогда не видел в первоначальном варианте.

Однако в некоторых домашних библиотеках сохранялись запрещенные книги. Время от времени они попадали на полки публичных библиотек (например, как компенсация за потерю взятой книги), где их сразу изымали.

Как проходила чистка библиотек, показывает переписка о передаче в 1927 г. личной библиотеки жителя Пензы ботаника Гуго Гроссет органам советской власти и проверка в 1924 г. литературы в шестой школе Пензы. Из библиотеки Гроссет были изъяты «Записки» Ф. Ф. Вигеля (М., 1891-1892), «Учебник русской истории» М. М. Богословского (М.,1915), сочинения Дмитрия Мережковского, Михаила Арцыбашева и Константина Евграфова (одного из основателей Лермонтовской библиотеки в Пензе!).

В 1924 году устаревшими по содержанию признавались «Красная шапочка», «Конёк-Горбунок», роман Михаила Загоскина «Юрий Милославский», «Жизнь и труды» Ломоносова. Избранные сочинения великого учёного были изъяты одним из комиссаров стрелкового полка на учебном пункте в Бессоновке как книга «явно монархического содержания» (29).

***

После революции Лермонтовка перестала арендовать помещения в частных домах, у нее появилось свое собственное здание. Первоначально оно находилось на улице Московской, а с 1925 по 1927 гг. — на улице Троицкой (ныне Кирова), 29. Это был купеческий особняк. С 1872 по 1915 г. им владело семейство Солнышкиных: купец 2-ой гильдии С. К. Солнышкин, его жена Е. С. Солнышкина и их сын П. С. Солнышкин. После революции (с 1919 г.) в особняке размещался Пензенский городской отдел народного образования (гороно) (30). Библиотека переехала в здание в январе 1925 г.

Сохранившийся приказ по библиотеке (4 декабря 1926 г.) с закреплением ответственных за порядок лиц дает представление о внутренней планировке здания. В нем были комнаты абонемента, отделения национальных меньшинств, передвижного фонда, комната с газетами и журналами, а также две комнаты детского отделения, каталогизаторская, переплетная, читальный зал со сценой и две комнаты книгохранения. Любопытная деталь: в библиотеке находился аквариум, доставшийся ей по наследству от городского отдела народного образования (31).

К переезду Лермонтовки главная газета области «Трудовая правда» напечатала статью. В ней говорилось: «После продолжительного перерыва начала функционировать центральная губернская библиотека. Все отделения библиотек, находившиеся ранее в разных зданиях, в противоположных концах города, ныне объединены под одной кровлей. Теперь библиотека имеет большой и светлый читальный зал со сценой, который будет использован помимо прямого своего назначения и как аудитория для проведения инсценировок, вечеров и прочего. Такая же светлая и просторная комната отведена под выдачу книг. Библиотека приняла все меры, чтобы доставить читателю возможно больше удобств, как для пользования книгами в читальном зале, так и при выборе их для прочтения на дом. Имеется значительное количество книг по всем отраслям знания, новые журналы и газеты» (32).

В штат библиотеки входило двадцать два человека: заведующий, шесть руководителей отделами, девять библиотекарей, заведующий хозяйством, делопроизводи-

тель-счетовод, инструктор-переплетчик, истопник, дворник и уборщица. Работа библиотеки строилась по квартальным планам с ежемесячной статистической отчетностью. Сотрудники библиотеки были обязаны вести ежедневные записи о выполненной работе в форме дневника. В дневнике следовало указывать время начала и окончания рабочего дня, «какие работы проделаны и цифровые итоги проделанной работы». Администрация имела право просмотра дневников (33).

Библиотека работала с 9 до 20 часов, шесть дней в неделю. До 1 октября 1927 г. выходным днем являлось воскресенье, а с 1 октября — пятница. В праздничные дни график работы менялся. Так 8 марта 1926 г. в Международный женский день для женщин, сотрудниц библиотеки, рабочий график был сокращен на два часа. В приказе заведующего библиотекой говорилось: «Ввиду того что большинством сотрудников ЦГБ являются женщины и при сокращении их рабочего дня не представляется возможной нормальная работа библиотеки, предлагается, начав работу абонемента и читального зала взрослых в обычное время закончить таковую в 6 часов вечера, к каковому времени закончить работу и в прочих отделах библиотеки. Сотрудники библиотеки мужчины работают обычное число часов, причем сотрудники абонемента взрослых (мужчины) — два часа производят внутреннюю работу» (34).

В феврале 1928 г. Лермонтовка переехала в новое здание (35). Всех пришедших в библиотеку встречал лозунг: «Школа — в юности, библиотека — на всю жизнь» (36). Лермонтовка открылась в достроенном корпусе Народного дома. Его строительство по инициативе правления Пензенского Лермонтовского общества и при поддержке Городской Думы началось еще до революции. В связи с переездом библиотека с декабря 1927 по январь 1928 г. была закрыта для посетителей (37). Сегодня это здание библиотеки, расположенное на улице Белинского, носит неофициальное название «исторический корпус».

1927 год был знаменательным годом в истории Советской России: последней яркой вспышкой левой (троцкистской) оппозиции в партии. Пензенское руководство большевиков в это время уже было сталинским. Оно легко пресекало

отдельные попытки сторонников Троцкого выступить против буржуазного перерождения коммунистов, что стало началом тотального политического единомыслия. Ведущая роль на этом пути принадлежала библиотекам.

«Существующий ныне внутрипартийный режим убивает всякую инициативу у членов партии, всякая политика поставить спорные вопросы перед партией объявляется покушением на единство партии. Исключаются из партии направо и налево члены противоположной сталинской оппозиции, большевики-ленинцы за то, что указывают на ошибки большинства ЦК, тем самым сталинский режим загоняет большевиков-ленинцев в подполье» (38), — указывалось в проекте резолюции партийного собрания в Мокшане 27 октября 1927 г., отвергнутой большинством коммунистов. Среди тех, кто выступал против мокшанских троцкистов, был и местный библиотекарь.

В марте 1929 г. Лермонтовскую библиотеку в только что открытом здании посетил приехавший в Пензу народный комиссар просвещения Советского Союза А. В. Луначарский. В библиотеке он пробыл 1,5 часа. В своих воспоминаниях Луначарский писал: «Не менее интересна библиотека. Конечно, как всякая наша библиотека, она обладает очень многими недостатками. Помещение у них хорошее, но книги, главным образом, старые и растрепанные. Новых книг она получает гораздо меньше, чем хотела бы. Средства ее ничтожны. Заведующий библиотекой обивает пороги, выпрашивает гроши, чтобы как-нибудь развернуть свою деятельность. В детской библиотеке книги имеют такой вид, что невольно соглашаешься с заведующей относительно возможности разноса всякой заразы этими заскорузлыми, засаленными, продырявленными листочками. А вместе с тем уходишь с отрадным чувством из этой библиотеки. Даже в хорошо поставленных библиотеках в Швейцарии не видел я такой интенсивной внутренней работы по руководству читателями. Превосходная читальня, помещение для отдельных кружков полно превосходно составленными диаграммами, которые, между прочим, составляются учениками II ступени, практикантами библиотеки. Просматривая диаграммы, развешанные по стенам и на особых установках, вы можете получить серьезные статистические сведения о различных

сторонах нашего строительства. Постоянно меняются показательные библиотечки, постоянно меняются наборы книг, посвященные тому или иному исследуемому вопросу, дате и т. д. Имеется масса указаний, как найти соответственную литературу для решения того или другого выдвинутого уже жизнью вопроса, который может заинтересовать читателя. Имеется подробный учет читаемости отдельных авторов по отдельным рубрикам. Имеются вопросы и ответы, которые выставляются в особой витрине, и, таким образом, идет деятельная переписка читателя с библиотекой (с привлечением специалистов) по разным нуждам и недоумениям, которые у читателя возникают. Имеется библиотечная передвижка, которая рассылает по городу 20, а по деревням 60 отдельных библиотечек. Что может быть более целесообразным и рентабельным, как влить в такую полную жизни библиотеку массу новых книг, как влить в жилы такого молодого жизнеспособного организма новые ресурсы? А библиотеке приходится мужественно преодолевать ту основную болезнь, которая грызет нас, — бедность, бедность» (39).

Школьники, помогавшие библиотеке, как уточнила затем городская газета «Трудовая правда», писавшая о визите наркома, были учащимися третьей школы Пензы, имевшей политико-просветительский уклон и проходившие в библиотеке практику (40). Школа носила имя Луначарского, что для наркома было особо приятно. «Лично благодарю преподавателей и учащихся за то, что, посвятив школу моему имени, они приносят ему честь действительно хорошей педагогической и общественной работой», — написал он в отзыве о посещении школы 25 марта, на следующий день после визита в библиотеку (41).

«Ничтожное», по словам А. В. Луначарского, финансирование библиотеки, запущенность в содержании помещений привели к тому, что спустя десять лет все ее здание обветшало. В перечне мероприятий, подготовленных областной пензенской властью к столетию со дня смерти М. Ю. Лермонтова (1941 г.), значился капитальный ремонт библиотеки его имени. Чуть раньше, 22 декабря 1938 г., вопрос о техническом состоянии и работе библиотеки рассматривался на президиуме Пензенского городского совета. Он отметил «неудовлетворительное состояние учета книжного фонда,

недостаток литературы (художественной, технической, по истории) наличие неразобранного архивного фонда (свыше 100 тысяч томов), недостаточность массовой работы по вовлечению читателя и связи с предприятиями, высокую текучесть обслуживающего персонала, отсутствие в течение ряда лет ремонта помещения и плохое оборудование книгохранилища» (42).

Детали из описанного можно почерпнуть в отчете Лермонтовской библиотеки за 1936 г. Библиотека находилась в ведении гороно и содержалась на средства местного городского бюджета. В штате было 11 человек, включая 10 библиотекарей. Число читателей, бравших книги по абонементу, 7963 человека. В читальном зале было выдано 54356 книг, на абонементе 117321. Библиотека имела 54 передвижки, в которых (включая книгонош) выдано за год 332 книги. Значительная часть передвижных библиотек (18) находилась в совхозах и колхозах. По межбиблиотечному абонементу Лермонтовка получала книги для слепых. В 1936 г. таких книг было 30. В фонде находилось 162463 книги, из них доступными для читателей было 50 813 (31 %). В так называемом «архиве» (закрытой для читателя части фонда) было 111650 книг (69 %). По содержанию книги открытого фонда распределялись так: художественная литература 15219 (30 %), общественно-политическая 11512 (22 %), детские книги 9171(18 %), по прикладным наукам 4540 (9 %), по сельскому хозяйству 2109 (4 %), по точным наукам 2561 (5 %), сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина 1032 (2 %). Чаще всего читатели брали художественную литературу (33 % выданных книг) и детскую (53 %). Классики марксизма-ленинизма занимали предпоследнюю строчку (1 %). Аутсайдером была сельскохозяйственная литература (0,03 %) (43).

После Великой Отечественной войны состояние здания и работа библиотеки вновь обсуждались высшим руководством. На заседании бюро обкома ВКП (б) 4 августа 1945 г. говорилось о плохом состоянии здания и скученности помещений. Из-за хранения в «сыром полуподвальном помещении» пришли в негодность 73 000 книг, 20 000 книг «покрыто плесенью», а «300 экземпляров редчайших книг и подшивка газет дореволюционного издания погибли». Бюро приняло

решение о временном переводе «книг из полуподвального помещения», где было хранилище, в помещения самой библиотеки, а детское отделение, ввиду нехватки площадей, рекомендовало открыть в здании партийного кабинета (44).

Техническое состояние библиотеки и недостаток площадей были «бичом» Лермонтовки вплоть до 2012 г., когда открылся ее новый корпус. В 40-50 гг. об этом не раз указывалось в отчетах библиотеки.

Отчет 1949 года: «Главной задачей является необходимость срочно решать вопрос о достройке здания по проекту бывшего Лермонтовского общества или надстройке третьего этажа. Иначе через 2-3 года в библиотеке не будет условий для работы с читателями, и негде будет размещать книжные фонды. Вновь открытый читальный зал (70 кв. м) занят под агитпункт, поэтому по прямому назначению данный зал пока не используется. В прошлом 1949 году начата постройка лестницы, соединяющей первый этаж с подвальным, где находятся основное книгохранение и другие служебные помещения. Это избавит работников библиотеки от хождения в помещение книгохранения через улицу и двор библиотеки и даст возможность рациональнее использовать подвальное помещение, где кроме книгохранилища находятся переплетная мастерская, гардеробная и другие подсобные помещения».

Отчет 1953 года: «Здание, занимаемое библиотекой, не отвечает возросшим культурным запросам трудящихся нашей страны. Во всех отделах библиотеки очень тесно. Книгохранения не обеспечивают правильной организации книжных фондов. Не все книги расставлены на полках. В основном книгохранении литература лежит между стеллажами на полу и сложена штабелями на стеллажах до самого потолка. На абонементе нет возможности организовать культурное обслуживание читателей. Читальный зал тоже не удовлетворяет наших читателей. Здесь имеется только 65 мест, а одновременно сюда приходят до 100 и более человек. Это создает небывалую тесноту, что мешает читателям плодотворно работать над книгой. Нет помещения для проведения массовых мероприятий».

В дополнение к отчету — фрагменты выступлений на партийных собраниях Лермонтовки: 5 февраля 1949 г., повестка: «Итоги работы библиотеки за 1948 год».

Первый выступающий: «Библиотека плохо оборудована, не хватает столов, стульев, каталожных шкафов, нет гардеробной».

Второй выступающий: «В детской библиотеке имеется очень мало книг (на 1 человека — 2 книги), вследствие того, что недостаточно отпускается средств на пополнение фонда. В результате давно читающим детям нечего давать, так все ими прочитано».

Третий выступающий: «Поступающие новые книги не доводятся сразу же до читателя в связи с загруженностью библиотекарей» (45).

За семнадцать лет, прошедших с 1936 г., фонд Лермонтовки увеличился в 1,5 раза. В 1953 г. он составил 265 939 экземпляров (46). Из них по-прежнему значительная часть приходилась на художественную (48333 или 18 %) и техническую литературу (22 468 или 9 %). В отличие от 1936 г., первое место безоговорочно принадлежало общественно-политической литературе (64 325 или 24 %). Количество сочинений МЭЛС (Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина) было 5 290 (2 %). Впрочем, общественно-политическая литература не являлась лидером читательских предпочтений: только 11 % от общего количества выданных книг. Первое место занимала художественная литература (37 %), последнее, как и до войны, сельскохозяйственная (1 %). Классики марксизма-ленинизма находились на четвертом месте (7,7 %).

В год смерти Сталина (1953) читателями Лермонтовской библиотеки являлось 13 206 человек. Из них значительная часть студенты — 3 076 (23 %) и школьники — 2 430 (18 %). Служащие составляли 33 % от общего количества читателей.

Посетить библиотеку можно было с 10 до 22 часов, кроме вторника. Он являлся выходным днем. График работы подразделений библиотеки отличался. Читальный зал работал с 10 до 22 часов, абонемент и справочно-библиографический отдел с 13 до 21 часа, остальные отделы с 10 до 18 часов.

***

Во время и после революции фонд Лермонтовки пополнился большим количеством книг из частных библиотек и библиотек различных учреждений Пензенской губернии.

Количество книг оказалось настолько большим, что полностью они никогда не включались в фонд доступный читателю. Штат библиотеки не позволял провести и его инвентаризацию. Поэтому значительная часть книг, оказавшись в так называемом «архиве» библиотеки, была списана и уничтожена, либо из-за устаревшего и политически неверного содержания книг, либо по причине их порчи грибком.

Из отчета библиотеки 1947 года: «Необработанного фонда библиотека имеет 51257 экземпляров, в числе которых 8870 экземпляров неразобранной иностранной литературы и 42387 экземпляров русских книг. В данном количестве очень мало ценных книг. Более 8 тысяч статистической литературы разных губерний. Много устаревшей литературы в общественно-политическом отделе, по сельскому хозяйству (большей частью брошюры и книги, не представляющие собой ценности). Чтобы покончить с необработанным фондом, потребуется ассигнование специальных средств, не менее 20 тысяч рублей на его обработку».

Вполне возможно, что среди списанных и уничтоженных книг «архива» были издания, о которых сегодня мы вспоминаем с сожалением. Это книги из дворянских усадебных библиотек, купеческих особняков, духовной семинарии и пензенских церквей.

«В архиве библиотеки есть книги с автографами М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. Г. Белинского, М. Ю. Лермонтова и других писателей, но все это лежит под спудом, так как архив не изучен. Никто не может сказать — уцелели ли эти книги. В течение долгих лет идут бесплодные разговоры о приведении архива в порядок и изъятии из него всех ценностей», —писал 24 июня 1939 года корреспондент областной газеты «Сталинское знамя» К. Весин (47).

В воспоминаниях В. И. Просвирнина (1941 г.), завизированных директором библиотеки А. П. Гусевой, говорится о наличии в разбираемом книжном фонде «книги Ф. Купера «Путеводитель в пустыне или озеро-море», издания 1841 года, книга лично принадлежала В. Г. Белинскому, с его автографом» (48).

Все перечисленные издания в современной Лермонтовке отсутствуют.

***

Общественно-политическая роль библиотек особенно ярко проявлялась в работе с читателем. Громкие читки и беседы, лекции, выставки, литературные вечера и читательские конференции, кружковая работа, рекомендательные списки литературы, выдача библиографических справок – все это адресовалось посетителям библиотеки.

«В 1939 году организован подотдел иностранной литературы, — вспоминал Просвирнин, — и читатели стали иметь возможность читать лучшую классическую литературу в подлинниках. Имеется 225 человек читателей, из них рабочих 20 человек. В помощь изучающим иностранные языки организовывались коллективное слушание лингафона и консультации. Так за первый квартал 1941 года проведено 20 консультаций (индивидуальных). Больше ста человек читают планово и изучают «Краткий курс истории ВКП (б). В стенах библиотеки консультации по «Краткому курсу истории ВКП (б) не проводились, но читатели организовывались на консультации в Дом партпроса. В помощь изучающим «Краткий курс истории партии» организована книжная выставка библиографических источников и консультаций по отдельным главам учебника «Краткого курса истории ВКП (б)», а также имеется картотека газетных и журнальных статей по все 12 главам учебника» (49).

Из отчета Лермонтовки 1951 года: организовано 178 выставок, в том числе на общественно-политические темы — 80, на естественно-научные — 10, по пропаганде технической литературы — 11, по пропаганде художественной литературы — 27. «Громкие чтения и беседы проводились в артели «Труд слепых». Проведено 44 читок. Обслужено 591 человек. Изучали положение о выборах в Верховный Совет РСФСР, положение о выборах в народные суды. Прочитаны книги Б. Полевого «Золото», Толстого «Рассказы Ивана Сударева», повесть Якубы Коласа «Трясина». К 110-летию со дня смерти М. Ю. Лермонтова прочитаны «Герой нашего времени» и сказка «Ашик-Кериб». На тему о борьбе за мир прочитаны рассказы из сборника «В борьбе за мир». Проводилась беседа по воззванию Всемирного совета Мира о заключении Пакта мира между пятью великими державами». Читательские конференции: «Советские писатели о комму-

низме», «Сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина» (125 лет со дня рождения писателя), «Кем быть?», «А. М. Горький — борец за мир», «Писатели-лауреаты международной премии мира». Рекомендательные списки литературы: «Электрификация сельского хозяйства — путь к коммунизму», «К дальнейшему развитию луководства по Пензенской области». «За высокий урожай конопли», «За полное использование новой техники в сельском хозяйстве», «Что читать по агротехнике свеклы».

Названия справок, выданных читателям справочно-библиографическим отделом (1947 год): «Ленин в творчестве народов СССР», «Учение Ленина и Сталина о государстве», «Сталин и военное искусство», «Кулибин — русский самородок», «Бурденко – великий хирург», «Синтетический каучук», «Молодежь и наука», «Замечательные люди Пензенской области», «За что мы любим Чехова», «Трудодень и его оплата», «Образы вождей в художественной литературе», «Маразм буржуазной философии».

Во время выборов разных уровней библиотекари были агитаторами. Некоторые из них подходили к этому особо ответственно. «Я работаю агитатором-книгоношей среди избирателей, — говорила одна из сотрудниц библиотеки в январе 1951 г., — избиратели моих домов бывают очень довольны, когда им приносишь книгу, просят книги наших советских писателей, лауреатов Сталинской премии» (50).

Такие библиотекари чувствовали себя передовиками нового общества и были не прочь позаниматься коммунистическим воспитанием своих коллег и читателей. «Мне хочется сказать о некоторых недостатках работы на абонементе. У некоторых работников абонемента есть нехорошая черта угодить читателю, даже если это явно неправильно, — поучала одна из них (всего лишь год проработавшая в библиотеке), — надо руководить чтением читателя, быть бдительной и, если надо, то и поспорить с ним, доказать ему, что его спрос на книгу иногда не верен» (51).

В 1945 г., когда проходили первые послевоенные выборы в Верховный Совет СССР, Лермонтовка подготовила рекомендательные списки литературы «Что читать к выборам», «Что читать о Сталинской конституции». Каждое воскресенье в библиотеке читались лекции на политические и историко-литературные темы: «Конституция СССР — самый

демократический закон в мире», «Моральный облик советского человека», «Война и мир» Толстого — героическая эпопея Отечественной войны 1812 года». В самой библиотеке действовал избирательный пункт (52).

Издаваемые Лермонтовкой пособия находились под пристальным вниманием читателей и власти (точнее органов цензуры). Некоторые из них имели досадные ошибки или недочеты, вызванные слабым знанием материала и невнимательностью.

Самым резонансным, несомненно, оказались материалы 1948 г., адресованные пропагандистам и агитаторам, вышедшие к столетней годовщине со дня смерти В. Г. Белинского (53). Библиотека издала их совместно с обкомом партии. В пособии оказалось очень много фактических ошибок, на что было указано краеведом А. В. Храбровицким.

Через три года еще одна памятка библиотеки, освещавшая на этот раз жизнь и литературную деятельность М. Е. Салтыкова-Щедрина, попала под огонь критики. В газете «Молодой ленинец» появилась заметка «Медвежья услуга». В ней вновь говорилось о фактических ошибках (в частности, неверно названной дате рождения писателя) и едко замечалось: «Составители памятки предлагают библиотекам области использовать для книжных выставок и бесед брошюру Л. Вольпе, которая в одном случае именуется ими «Салтыков-Щедрин в Пензе», а в другом — «Салтыков-Щедрин и Пенза». Однако, как пользоваться книгой, еще не вышедшей из печати, составители памятки благоразумно умалчивают» (54).

Этот случай 20 марта 1951 г. разбирался на собрании коллектива библиотеки и составители памятки признали свою вину: «...справедливая критика. При составлении других библиографических памяток необходимо серьезнее подходить к работе, не допускать неточность в деталях и в отдельных фактах, что имело место в памятке» (55).

***

За сорок лет (1917-1957 гг.) в Лермонтовке сменилось семнадцать директоров (заведующих), то есть средний срок нахождения в должности был два года. Большая часть директоров (70 %) — женщины. Такая текучесть не была благом

для библиотеки, хотя многие из заведующих занимали пост, уже поработав на иных должностях в Лермонтовке.

Дольше всего директором библиотеки была Александра Петровна Гусева. Она возглавляла Лермонтовку восемь лет: в 1939-1942 гг. и 1947-1952 гг. Гусева —типичный выдвиженец сталинских пятилеток, искренно преданная советской власти, без которой она вряд ли бы достигла руководящих постов.

Александра Петровна одилась в 1908 г. в селе Екатериновка Лунинского района. Отец, еще до рождения дочери, бросил семью, уйдя на заработки в Пензу. Вскоре в город перебралась и мать. Как до, так и после революции она работала чернорабочей на разных предприятиях и в организациях Пензы.

В 1926 г. Гусева окончила первую школу имени Белинского. Работала в губернском статистическом отделе. Вступила в комсомол и по комсомольской путевке в 1929 г. стала библиотекарем пензенского клуба «1 мая». Заочно училась в московском библиотечном техникуме (факультет библиотековедения) и после завершения учебы в 1939 г. была назначена директором Лермонтовки.

В первый год войны вступила в коммунистическую партию и получила назначение в отдел народного образования Пензенской области, где возглавила сектор политпросвет работы. Здесь у Гусевой мало что получилось, и после обучения на курсах партийных и советских работников она стала работать инструктором пропаганды и агитации Пензенского обкома ВКП (б).

В связи с сокращением штатов Александра Петровна была освобождена от должности и вновь назначена директором библиотеки имени Лермонтова. Одновременно А. П. Гусева поступила на заочное отделение библиотечного института. Всю себя Гусева отдавала работе.

Отношение к ней среди коллег было неоднозначное. Кто-то ценил ее целеустремленность и такт, кому-то это сильно не нравилось. Опорой Александры Петровны был сын, помогавший ей не только в домашних делах, но и по работе. Он увлекался музыкой, и она этим гордилась. Второй свой уход с должности директора А. П. Гусева пережила тяжело. «У меня был большой перелом, — говорила она, — никто по-че-

ловечески не подошел ко мне и не поинтересовался. Мне кажется, меня травили, но …сказала, что не было травли, и я успокоилась» (56). После ухода с должности директора Гусева работала заведующей отделом комплектования.

Иван Сергеевич Фёдоров был самым колоритным из мужчин директоров. Он возглавлял библиотеку с октября 1936 по апрель 1939 г. Именно его сменила на посту директора Гусева. Твердый большевик, он запомнился суровостью своего руководства, отсутствием каких-либо сантиментов в отношении подчиненных.

Иван Сергеевич родился в 1900 г. в Пермском крае. «Революция 1917 года меня застала в своей деревне неискушенного жизнью малограмотным деревенским парнем», — писал он в автобиографии.

Два его родных брата в годы гражданской войны сражались на стороне красных, а сам он в 1919 году был мобилизован в армию Колчака, из которой через месяц сбежал.

Воевал на стороне красных и после тяжелого ранения в 1921 году потерял ногу, стал инвалидом. Учился в совпартшколе, работал избачом. На рабфаке в Ленинграде в 1928 г. был принят в члены ВКП (б).

«В счет первой парттысячи, — писал Фёдоров, — был направлен на учебу в Ленинградский педагогический институт имени Герцена». Иван Сергеевич гордился тем, что «при подборе в парттысячу» встречался с секретарем Ленинградского горкома партии С. М. Кировым.

После окончания института (1933 г.) приехал в Пензу. Перед назначением на должность директора библиотеки работал преподавателем фармацевтического техникума и научным сотрудником краеведческого музея, после — лектором пензенского горкома партии, директором краеведческого музея и начальником областного архива.

И. С. Фёдоров — автор книги «Выдающиеся учителя и просветители Пензенской губернии» (1958), составитель сборника «Революционная борьба трудящихся Пензенской губернии в 1905-1907 годах», многочисленных статей по истории края.

***

В годы Великой Отечественной войны Лермонтовка, по словам ее директора Р. А. Кацман (октябрь 1942 г.), «приобрела исключительное значение как очаг активной обще-

ственной, организационной и политической работы». «Вдохновлять наш народ на победоносную отечественную войну за родину, на героические подвиги на трудовом фронте — святая обязанность каждого библиотечного работника, патриота своей родины», — писала она в газете «Сталинское знамя» (57).

Традиционные формы работы с читателем дополнились вызванными обстоятельствами военного времени. Библиотека объявила среди жителей области сбор книг для отправки на фронт. И солдаты, следовавшие в эшелонах через Пензу, получали в подарок книги.

Также Лермонтовка формировала передвижные библиотеки и направляла их в госпитали, воинские части, призывные пункты, колхозы и промышленные предприятия.

Сотрудники библиотеки помогали агитаторам в подборе литературы, организовывали встречи с советскими писателями, в том числе эвакуированными в Пензе (58), несли трудовую повинность (сельскохозяйственные, лесозаготовительные, снегоочистительные и земляные работы).

Рассказывая о работе библиотеки, Кацман писала: «За время войны библиотека приобрела массу художественной и политической литературы — книжный фонд её пополнился 7 тысячами новых книг. Шире и разнообразней стали интересы читателей. Появился большой спрос на историческую книгу, на литературу по массово-оборонным, военно-техническим вопросам. Читатель любит и требует книгу писателей фронтовиков Симонова, Василевской, Тихонова, особенно велик спрос на пьесу Корнейчука «Фронт». Учитывая возросший интерес читателя к иностранным языкам, библиотека организовала кружки по изучению английского, французского, немецкого языков» (59).

В войну Лермонтовка отметила свое пятидесятилетие. Планировалось, что к этой дате выйдет небольшая брошюра по истории библиотеки. Вопрос обсуждался 14 октября 1942 г. на заседании бюро обкома партии (60). Но брошюра так и не вышла. Каких-либо торжеств, как в год 45-летия библиотеки, из-за войны не было.

Коротко: в год 45-летия библиотеки, 14 октября 1937 г., в ней прошел небольшой юбилейный вечер. На нем выступили старейшие работники библиотеки, состоялся концерт из

лермонтовских произведений. К юбилею была «развернута во всех отделах широкая пропаганда лермонтовской литературы», организован сбор отзывов читателей по сочинениям Лермонтова, изучался материал по истории библиотеки, взяты повышенные обязательства в социалистическом соревновании (61). Фотография здания библиотеки была опубликована в журнале «Красный библиотекарь».

Что касается юбилеев самого М. Ю. Лермонтова, то в начале 20-х годов традиция их празднования прервалась. «Правлением губернской библиотеки имени М. Ю. Лермонтова разработано чествование памяти поэта по случаю исполняющегося в июле месяце текущего года 80-летия со дня его смерти, — писала губернская газета «Красное знамя» в 1921 г., — в Тарханы, где он похоронен, высылается передвижная библиотека. В Пензе, в летнем театре состоится спектакль из его произведений: пойдет «Демон» в народной постановке или же «Маскарад». Кроме того научным отделением библиотеки устраивается вечер для подростков. Будет также приведен в надлежащий вид памятник поэту в лермонтовском сквере» (62).

Вновь юбилейные даты поэта стали отмечать осенью 1939 г., когда в Советском Союзе впервые прошли масштабные торжества в связи со 125 годовщиной со дня рождения М. Ю. Лермонтова. В Пензе 14 октября, на торжественном заседании в драматическом театре, библиотека показала «выставку-передвижку из фотоснимков мест, связанных с поэтом, портретов с него и его родных и, главным образом, книг» (63).

Именно тогда из запасников Лермонтовки была извлечена картина поэта «Кавказский вид около селения Сиони» и впервые показана публике.

В 1940 г. она оказалась в Тарханах. В библиотеке прошли читательские конференции по роману «Герой нашего времени», были прочитаны лекции о жизни и творчестве поэта.

***

«С самого своего утверждения советская власть стремилась к уничтожению любого многоголосия, — писал в своих воспоминаниях академик Д. С. Лихачёв. — Страна погрузилась в молчание. Только однотонные восхваления, единогла-

сие, скука смертная — именно смертная, ибо установление единогласия было равно смертной казни для культуры и для людей культуры» (64).

Одним из инструментов установления такого «единогласия» были библиотеки. Пункты агитации и пропаганды. И если политическое единомыслие, господствовавшее в советское время, сегодня воспринимается скорее отрицательно, чем положительно, то пропаганда книги и чтения, проводимая тогда библиотеками, имеет, несомненно, знак «плюс».

Во многом благодаря библиотекам, в том числе и Лермонтовке, как главной библиотеке региона, регулярное чтение журналов, газет и книг стало нормой поведения образованного человека.

Заслуга работников библиотек и в сохранении ими книжного богатства — изданий минувших веков, хотя политическая конъюнктура и условия хранения книг всегда оставляли желать лучшего.

Впрочем, Лермонтовская библиотека, как и другие библиотеки страны, никогда не была «вещью в себе». И говорить о ней и о путях ее развития в сослагательном наклонении, забывая об эпохе, просто невозможно. Ведь библиотека — её «книжное отражение».

Примечания

1. *Подробно см.: «Он правды всей душой искал». Пенза, 2009. С. 99-110.*

2. *Рубакин Н. А. Среди книг. М., 1911. Т.1. С. 4,28, 153.*

3. *Труды первого Всероссийского съезда по библиотечному делу. Спб., 1912. С. 217.*

4. *Политический словарь. М., 1940. С. 453.*

5. *Там же. С. 58.*

6. *Отчеты Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова за 1948 и последующие годы, используемые далее, хранятся в архиве библиотеки.*

7. *Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. п. 5213. Оп. 1. Д. 7. Л. 15-15об.*

8. *ГАПО. Ф. р. 253. Оп. 2. Д. 1а (заседание 18 ноября 1918 г.) .*

9. *Там же. Ф. р. 429.Оп. 1. Д. 16. Л. 76-76об.*

10. *Там же. Л. 10.*

11. *Там же. Л. 37.*

12. *Там же. Ф. р. 253. Оп.1. д. 1528. Л. 36.*

13. *Там же. Д. 192. Л. 1-3.*

14. *Там же. Д. 1927, Д. 1998 (анкеты).*

15. *Там же. Ф. р. 253. Оп. 1. Д. 192. Л. 276.*

16. *Там же. Д. 1509. Л. 2.*

17. *Там же. Д. 1106. Л. 3-4.*

18. *ГАПО. Ф. п. 5213. Оп. 1. Д. 1. Л. 6-7.*

19. *Там же. Ф. р. 253. Оп. 1. Д. 152. Л. 52.*

20. *Наглядное пособие по библиотечной технике. М., 1924.*

21. *Там же. С. 5-7, 20, 23.*

22. *ГАПО. Ф. р. 253. Оп. 1. Д. 1509. Л. 18-20.*

23. *Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова (1907-1908). Пенза. 1909. С. 51-55.*

24. *ГАПО. Ф. р. 253. Оп. 1. Д. 1528. Л. 7.*

25. *Гаспаров М. Л. Филология как нравственность. М.: «Фортуна ЭЛ», 2012. С. 16-17.*

26. *Вишневский К. Д. Пенза и пензяки. Пенза, 2013. С. 309-310.*

27. *Газета «Социалистический путь» (Нижний Ломов, Пензенская область). 1939. № 40.*

28. *Газета «Клич ударника» (Неверкино, Пензенская область). 1939. № 23.*

29. *Там же. Ф. р. 253. Оп .1. Д. 2002. Листы без нумерации.*

30. *Дворжанский А., Шишкин И. История Пензенских улиц. Улица Троицкая. Пенза, 2012. С. 259-261.*

31. *ГАПО. Ф. р. 253. Оп. 1. Д. 1528. Л. 91.*

32. *Газета «Трудовая правда» (Пенза). 1924. 16 декабря. С. 3.*

33. *Книга приказов Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова. 1926-1930 гг. Л. 4 об.*

34. *Там же. Л. 6 об.*

35. *Факты. События. Свершения. К 325-летию города Пензы. Саратов, 1988. С. 103.*

36. *Газета «Сталинское знамя» (Пенза). 1941. 15 октября. С. 4.*

37. *Книга приказов Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова. 1926-1930 гг. Л. 13.*

38. *ГАПО. Ф. п. 99. Оп. 1. Д. 26. Л. 160.*

39. *«Трудовая правда» (Пенза). 1929. 27 апреля. С. 2. См. также. Годин В. С. Два приезда А. В. Луначарского в Пензу // Краеведческие записки. Пенза, 1970. Вып. II. С. 134-135.*

40. *«Трудовая правда» (Пенза). 1929. 31 марта. С. 3.*

41. *Годин В. С. Указ. соч. С. 128-129.*

42. *ГАПО. Ф. р. 2038. Оп. 1. Д. 149. Л. 31 а.*

43. *Там же. Ф. р. 429. Оп.1. Д. 226. 4-4об.*

44. *ГАПО. Ф. п. 148.Оп. 1. Д. 265. Л. 256-256 об.*

45. *Там же. Ф. п. 5213. Оп. 1. Д. 3. Л. 2-5.*

46. *Отчет Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова. 1953 г. Машинопись.*

47. *Газета «Сталинское знамя» (Пенза). 1939. 24 июня. С. 4.*

48. *Просвирнин В. Работа библиотеки имени Лермонтова после революции. Машинопись. С. 21. Хранится в Пензенской областной библиотеке имени М. Ю. Лермонтова.*

49. *Там же. С. 23-24.*

50. *ГАПО. Ф. п. 5213. Оп. 1. Д. 5. Л .1.*

51*. Там же. Д .4. Л. 4 об.*

52. *ГАПО. Ф. п 148. Оп. 1. Д. 1589. Л. 1-1об.*

53. *В. Г. Белинский. Пенза, 1948.*

54. *Газета «Молодой ленинец» (Пенза). 1951. 9 марта. С. 2.*

55. *ГАПО. Ф п. 5213. Оп. 1. Д. 5. Л. 11об-12.*

56. *Там же. Д. 6. Л. 34.*

57. *Газета «Сталинское знамя» (Пенза).1942. 15 октября. С. 2.*

58. *Савин О. М. Родник воды живой. Пенза. 1992. С. 183.*

59. *Газета «Сталинское знамя» (Пенза). 1942. 15 октября. С. 4.*

60. *ГАПО. Ф. п. 148. Оп. 1. Д. 623. Л. 34об.*

61. *Там же. Ф. р. 429. Оп 1. Д. 226. Л. 18-18об.*

62. *Газета «Красное знамя» (Пенза). 1921. 17 июня. С. 2.*

63. *ГАПО. Ф. р. 2038. Оп. 1. Д. 145. Л. 16.*

64. *Лихачёв Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. СПб.: «АРС», 2006. Т. 1. С. 142.*

ЗК, или Заключенные книги

Однопартийное государство, созданное большевиками, преследовало не только людей, но и книги. У них тоже был свой ГУЛАГ. Руководил им ГЛАВЛИТ — главное управление по делам литературы и издательств. Советская цензура. Пензенское отделение книжного ГУЛАГа находилось в Пензе, в областной библиотеке имени Михаила Лермонтова. Оно называлось специальный фонд. Заключенными в нем были книги.

Специальный фонд (или сокращенно спецфонд) — это часть общего книжного фонда библиотеки, доступ к которому читателям и библиотекарям был ограничен. Первые упоминания о нем относятся к двадцатым годам XX века, когда был создан ГЛАВЛИТ. В 1927 г. Пензенский губполитпросвет на основе циркуляра Народного комиссариата просвещения изъял из библиотек, как «не дающие правильной политической установки» следующие книги: Никулихин Я. С. «О бедняке, середняке и кулаке» (ГИЗ, 1925), Казанцев «Союз рабочих и крестьян» (издательство «Уралкнига», 1925). Один экземпляр, как требовал закон, был направлен на хранение в главную библиотеку региона — в Лермонтовку. В этот же год в библиотеку отправились еще ряд «арестантов»: Митюков «Создание и разрушение богов и святынь» («как содержавшие грубые ошибки и дающие неправильное освещение вопросов»), Николай Лесков «Сказ о Федоре-христианине и Абраме-жидовине», Василий Немирович-Данченко «Матросы «Святого Константина» (как не соответствующие духу времени и неправильной классовой установки»)» (1). В документах областного Управления по охране военных и государственных тайн (другое его название «Обллито» — областное управление по делам литературы и издательств — ***Д. М.***) спецфонд упоминается в марте 1948 г. (2). В приказах библиотеки — в апреле 1942 г. (3).

На производственном совещании в Обллито 30 марта 1948 года шла речь об оборудовании помещения для спецфонда. Обрывистые строки протокола («поставить вопрос перед Главлитом о переведении спецфонда из центральной

библиотеки в библиотеку краеведческого музея, там есть подходящее помещение для спецфонда») позволяют говорить о несоответствии помещения имевшимся инструкциям. На совещании 19 августа 1948 года вопрос с помещением был решен: «теперь помещение есть…наша задача как можно больше заполнить спецфонд книгами, изъятыми при проверке библиотек» (4).

Приказ от 11 апреля 1942 года директора библиотеки А.П. Гусевой возлагает ответственность за хранение стеклографа (печатного прибора, предшественника ротапринта) на «зав. спецфондом» Л. Б. Ижик. До февраля 1940 года Ижик была заведующей методическим кабинетом, затем классификатором и с июня 1941 года заведующей библиографическим отделом. В декабре 1940 года она получила строгий выговор за «дачу ложных показаний о возрасте и месте рождения для сведений НКВД». Возможно, это связано с ее назначением (проводимой проверкой) на должность заведующей специальным фондом библиотеки.

Спецфонды существовали в особых библиотеках ЦК и Московского комитета ВКП (б), Академии наук, Институте марксизма-ленинизма, московской библиотеке имени Ленина, ленинградской библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, библиотеках коммунистических университетов Москвы и Ленинграда, а также в центральных библиотеках главных городов союзных республик, краев, областей и университетских городов.

Пенза получила статус областного города в феврале 1939 года. До января 1940 года шло формирование ее органов власти. Значит, спецфонд в библиотеке появился не ранее этого времени, хотя изъятие литературы по спискам ГЛАВЛИТа проходили и раньше. Директор Лермонтовки И.С. Федоров в августе 1937 года приказывал «зав. абонементом взрослых тов. Кудрявцевой А. Т. в двухдневный срок оформить изъятие выявленной литературы согласно списка Главлито, за невыполнение данного распоряжения будут приняты самые суровые меры». В октябре 1937 года Анна Трофимовна Кудрявцева («за невыполнение письменных и устных моих распоряжений о своевременной проверке и изъятии литературы») снята Фёдоровым с должности, а в декабре — уволена.

По сохранившимся сведениям, Л. Б. Ижик была первой заведующей специальным фондом. В этой должности она находилась до октября 1942 года. В дальнейшем (до 1956 года) спецфондом заведовали И. И. Куприевич (октябрь 1942 — сентябрь 1953), А. Т. Ткачёва (октябрь 1953 — август 1955), В. А. Шуняева (с сентября 1955 года).

До 1948 года издания, находившиеся в спецфонде, читателям не выдавались. Об этом свидетельствует приказ директора библиотеки от 9 августа 1945 года (№ 18): «В связи с обнаружением политически вредных заметок читателей на полях книг и пропажей книг в читальном зале, приказываю: всем зав. отделами и библиотекарям не выдавать книг, не просмотренных библиотекарем при возврате их читателем; не записывать вновь и не перерегистрировать читателей без предъявления паспорта». Среди лиц, ознакомленных с приказом, подпись Куприевич, заведующей спецфондом, отсутствовала.

Впервые из спецфонда литература стала выдаваться во второй половине 1948 года. По инструкции утвержденной Главлитом спецфонд должен был иметь зарешеченные окна, обитую железом дверь и читальню, отделенную от книгохранилища. В нерабочее время он опечатывался. График работы спецфонда устанавливался приказом директора библиотеки. В приказе от 2 августа 1948 года, говорилось: «Библиографический отдел, междубиблиотечный абонемент, отделы иностранной литературы, спецфонда, комплектования и основного книгохранилища начинают работать с 11 ч. 30 м. и заканчивают в 20 ч. вечера». В августе 1948 года, на совещании Облито отмечалось: «Написать письмо секретарям ВКП (б) высших учебных заведений, в котором указать открытие спецфонда», «к 15 октября 1948 года организовать работу спецфонда с выдачей литературы и увеличить фонд до 1000 экземпляров» (5).

Какие же книги попадали в спецфонд?

По «Инструкции о спецфондах литературы при библиотеках Советского Союза» (1955 год) (6) они комплектовались следующими изданиями: «двумя экземплярами книг, брошюр, сборников и других произведений печати, изъятых органами Главлита из обращения; черносотенными, белогвардейскими и другими антисоветскими изданиями, а также

порнографическими произведениями; иностранными изданиями, ограниченными для общего пользования и отмеченными знаком «шестигранник»; обнаруженными в общих фондах книгами, хотя и не вошедшими в документы Главлита на изъятие, но по своему содержанию являющимися вредными, содержащими статьи, портреты врагов или материалы, восхваляющие их».

Инструкция 1952 года, более жесткая по содержанию, чем 1955 года, указывала на маркировку литературы: «совершенно секретно», «секретно», «только для членов ВКП (б)», «только для членов ВЛКСМ». В первых двух случаях издания выдавались читателям, имевшим допуск к работе с секретными материалами, в третьем и четвертом — при предъявлении партийного или комсомольского билета. Заходить в спецфонд могли директор библиотеки, заведующий спецфондом и сотрудник областного Управления по охране военных и государственных тайн, курировавший работу спецфонда.

Таблица № 1

Внесение изданий в инвентарную книгу спецфонда Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова

Год	Издания, шт.	% от общего числа
1948	1260	33
1949	450	12
1950	655	17
1951	197	5
1952	285	7,5
1953	222	6
1954	440	11,5
1955	124	3,3
1956	91	2,4
1957	39	1,02
1958	48	1,2
итого	3811	100

Источник: Инвентарная книга № 1 спецфонда Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова (1948-1960 гг.)

Для остальных посетителей библиотеки работа с засекреченными книгами была возможна только с разрешения директора библиотеки, на имя которого следовало написать заявление, подписанное руководителем организации, где работает проситель, а также начальником ее спецотдела.

По инструкции 1955 года было достаточно подписи одного руководителя. В заявлении обязательно указывалась тема научной работы.

Знакомство с литературой спецфонда ради простого интереса запрещалось. В отчете Обллито за 1957 год указывалось, что «литературой, находящейся в спецфонде, пользуются в основном работники институтов города» (7).

Вся литература, хранившаяся в спецфонде, заносилась в инвентарную книгу. Она имела секретный характер. Книга прошнуровывалась, скреплялась печатью и подписью директора библиотеки, регистрировалась в местном органе цензуры.

В Лермонтовке инвентарная книга спецфонда велась с 21 августа 1948 года. Обращение к ней позволяет проследить процесс формирования фонда, динамику засекречивания и рассекречивания литературы с 1948 по1958 года.

Всего за десятилетие в спецфонд попало 3811 изданий. Интенсивней всего фонд пополнялся в период с 1948 по 1956 годы. После XX съезда коммунистической партии и доклада Н. С. Хрущёва о культе личности Сталина поток изданий в спецфонд значительно ослаб. В связи с реабилитацией из фонда стали исключать книги, открытые в рамках нового курса партии для доступа широкой общественности.

Таблица № 2

Вывод изданий из спецфонда Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова (1958 г.)

Год	***Внесено, шт.***	***Выведено, шт.***	***% выведенных от внесенных***
1948	1260	200	16
1949	450	51	11
1950	655	66	10
1951	197	83	42

Год	*Внесено, шт.*	*Выведено, шт.*	*% выведенных от внесенных*
1952	285	77	27
1953	222	40	18
1954	440	42	10
1955	124	8	6,5
1956	91	11	12
1957	39	0	0
1958	48	0*	0
итого	3811	576	15

**** Данные на 1969 год.***

Источник: Инвентарная книга № 1 спецфонда Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова (1948-1960 гг.)

Большинство выведенных из спецфонда книг (517, или 89 %) были включены в него в сталинское время. Это показывает тесную связь реабилитации книг с реабилитацией лиц, пострадавших в годы репрессий.

В отчете пензенского Управления по охране военных и государственных тайн говорилось: «В течение 1957 года в основном работа спецфонда была направлена на восстановление книг и возврат их в общие фонды библиотек по приказам Главлита СССР №№ 2с, 3с, 5с, 7с, 8с, 9с, 13с, 17с, 18с, а также по пяти спискам книг, подлежащих хранению в спецфондах. В настоящее время остался не проверен один список по библиографическим указателям №№ 2/29, 4/31/-7/34/. Всего восстановлено и возвращено из спецфонда в общие фонды библиотек 55 названий, 72 экземпляра книг. Особое внимание с нашей стороны обращалось на присмотр и восстановление местных изданий. На 1 января 1958 года в спецфонде имеется 33 местных издания в количестве 54 экземпляров. За отчетный год Управлением цензуры было восстановлено из местных изданий 7 книг, вопрос о восстановлении которых в 1956 году был не решен. Теперь дефекты в них отпали и книги стало возможным восстановить. Другие книги, оставшиеся в спецфонде, восстановлены

быть не могут, ибо в них показывается дислокация закрытых в настоящее время предприятий, или имеются доклады, цитаты и ссылки на доклады врагов советского народа» (8).

О местных изданиях в отчете Облито за 1956 год указывалось: «В спецфонде имелось 48 книг местного издания, которые в течение октября-ноября месяцев были все пересмотрены. Из числа пересмотренных книг приказом Управления цензуры восстановлены 18 названий. Остальные книги восстановить в настоящее время нельзя, т. к. в них речь идет о закрытых заводах оборонного значения, а также цитаты, статьи, ссылки на литературу врагов народа: Бухарина, Рыкова, Берия, Угланова, Зиновьева, Троцкого и др. Кроме того, 4 книги находятся еще в Управлении, вопрос на восстановление которых не выяснен, в связи с тем, что не установлено: реабилитированы ли авторы данных книг» (9).

Из пензенских изданий краеведческого характера в спецфонде были (10):

автор	**название**	**Место и год издания**	**Дата поступления в спецфонд**	**Дата выбытия из спецфонда**
Полбицын Г. Т.	10 лет хозяйственного и культурно-социального строительств Пензенской губернии	Пенза, 1928	28 августа 1948 г	сентябрь 1957 г.
Кураев В.	Октябрь в Пензе	Пенза, 1927	28 августа 1948 г.	17 июня 1957 г.
Росницкий Н.	Полгода в деревне	Пенза, 1927	25 сентября 1948 г.	1957 г.
Арсентьев С. О., Лебедев М. А., Попов Д. Ф.	На путях к Октябрю. Экскурсионные материалы для школ и политпросветучреждений на тему: «Советская площадь, как выражение исторической борьбы классов в Пензе на путях к Октябрю»	Пенза, 1928	25 сентября 1948 г	1 сентября 1989 г.

автор	название	Место и год издания	Дата поступления в спецфонд	Дата выбытия из спецфонда
Никишин П. О.	Как рождался Октябрь	Пенза, 1927	25 сентября 1948 г.	1957 г.
Никишин П. О.	1905 год	Пенза, 1925	22 марта 1950 г.	13 марта 1957 г.
—	Политучебник для красноармейца	Пенза, 1932	25 сентября 1948 г.	1 сентября 1989 г.
Дмитриев В.	Культбригада	Пенза, 1946	10 июня 1949 г.	24 декабря 1956 г.
—	Пензенская область	Пенза, 1939	17 июня 1949 г.	1 сентября 1989 г.
—	Смерть немецким захватчикам!	Пенза, 1944	17 августа 1950 г.	10 августа 1991 г.
—	Отомстим! Материалы и документы	Пенза, 1943	25 июля 1950 г.	1 сентября 1989 г.
Белкин, Яблонский	Кузнецкая МТС	Пенза, 1950	26 сентября 1952 г.	1 сентября 1989 г.

Решение о запрете местных изданий принимало бюро Пензенского обкома КПСС по предложению областного Управления по охране военных и государственных тайн (еще одно название Облито). В 1956 году, например, запрещенными оказались следующие книги, изданные в Пензе:

«Бессмертный подвиг комсомольцев-подпольщиков» (1943), «Шашкин П. В. Как составлять пятилетний план колхоза /методические указания / (1946), «Вахтёров К. Битва

за Кавказ / из летописи Великой Отечественной войны/» (1945) (11).

Объяснение таково (цитата из проекта приказа Управления по охране военных государственных тайн) (12):

«Шашкин П. В. Как составлять пятилетний план колхоза / методические указания / Пенза, 1946, 64 с. / Пензенская областная плановая комиссия/.

Методические указания планирования колхоза устарели, т. к. в настоящее время планирование идет снизу вверх, а в книге Шашкина планирование колхоза основано на задании Областного управления сельского хозяйства. Планирование животноводства в книге Шашкина основано на наличии скота к началу года, тогда как в настоящее время развитие животноводства планируется из расчета 100 га пашни.

Вахтеров К. Битва за Кавказ /из летописи Великой Отечественной войны/. Пенза, издательство газеты «Сталинское знамя», 1945. 12 с. / Библиотека агитатора и пропагандиста /

На странице 5 значится:

«Мероприятия ставки Верховного Главного командования по укреплению обороны Кавказа проводилось при непосредственном контроле и помощи Государственного комитета Обороны тов. Берия, прибывшего в Тбилиси в августе 1942 года».

Бессмертный подвиг комсомольцев-подпольщиков / «Молодая гвардия» Краснодона/ Пенза, издательство газеты «Сталинское знамя», 1943, 40 с.

В статье «Сталинское племя» принижена роль коммунистической партии, это видно из следующих слов: «Люди старших поколений, оставшиеся в городе Краснодоне для того, чтобы организовать борьбу против немецких оккупантов были скоро выявлены врагом и погибли от его руки или вынуждены были скрыться. Вся тяжесть организации борьбы с врагом выпала на плечи молодежи. Так осенью 1942 года сложилась в городе Краснодоне подпольная организация «Молодая гвардия».

Показательно, что при освобождении книг и их повторном издании цензура также вносила свои правки. В 1957 году в Пензе второй раз вышли воспоминания В. В. Кураева, первого председателя пензенского совета губернских комиссаров, секретаря губернского комитета коммунистиче-

ской партии. Он был расстрелян как враг народа в 1938 году и реабилитирован в 1955 году. В них на странице 42 находилось отточие, менявшее смысл сказанного Кураевым. Это отточие скрыло фразу, бывшую в издании 1927 года.

Издание 1927 года: «Второй Всероссийский Съезд советов, как известно, по предложению Ленина, в основу декрета о ликвидации помещичьего землевладения принял ту программу аграрной революции, которую сами крестьяне считали наиболее правильной. ***Это соглашение с крестьянством мы осуществляем до сих пор.*** Действительное же отношение эсеров к программе ликвидации помещичьего землевладения и социализации земли характеризуется следующими фактами из деятельности эсеровских властей в течение Февральской революции в Пензенской губернии» (13).

Издание 1957 года: «Второй Всероссийский съезд Советов, как известно, по предложению Ленина, в основу декрета о ликвидации помещичьего землевладения принял ту программу аграрной революции, которую сами крестьяне считали наиболее правильной… Действительное же отношение эсеров к программе ликвидации помещичьего землевладения и социализации земли характеризуется следующими фактами из деятельности эсеровских властей в течение февральской революции в Пензенской губернии» (14).

В целом, по времени издания книги, попавшие в спецфонд в 1948 году, распределяются так: изданные до 1917 года — 7, в 1918-1919 годах — 20, в 1920-е годы — 373, в 1930-е годы — 840, в 1940-е годы — 20 (15). Как видно, большая часть книг (97 %) — это издания 20-30-х годов. Очевидно, что их заключение в спецфонд — отголосок жестокой политической борьбы за власть в верхушке коммунистической партии. Изымались книги, где в качестве авторов или упомянутых в тексте лиц были поверженные политические противники — враги народа. В этом, по мнению исследователя советской цензуры Арлена Блюма, состояла одна из ее характерных особенностей: «обычно между временем издания книги и ее запретом существовал значительный временной интервал» (16).

Из вышеназванных краеведческих изданий на этом основании были запрещены книги В. В. Кураева, Г.Т . Полбицына и Н. А. Росницкого, репрессированных в 1937 году. Основа-

нием для «закрытия» брошюры «На путях к Октябрю» стало упоминание в ней В. В. Кураева и его книги. По этой же причине, а также из-за Л. Д. Троцкого, также упомянутого в ней, и фамилии самого автора была запрещена приказом Облито книга В. Троцкого «Революционное движение в Среднем Поволжье» (Москва-Самара, 1930). На обложке экземпляра книги, хранящегося в Лермонтовке, карандашом написано: «отложить в спецфонд, приказ облита, 24/VI, 48».

Из других книг, заточенных в спецфонд, но изданных за пределами Пензы, следует отметить художественные произведения Владислава Ходасевича, Артема Веселого, Михаила Кольцова, Константина Бальмонта, Бориса Пильняка, Исаака Бабеля, Дмитрия Фурманова, Ильи Эренбурга, Николая Тихонова, Ольги Бергольц. В спецхран попали исторические исследования Михаила Покровского и Михаила Грушевского, переводы грузинских поэтов Бориса Пастернака, «Система социологии» Питирима Сорокина, воспоминания Василия Шульгина, работы Николая Бухарина, Анатолия Луначарского. В 1952 году под замком очутились воспоминания о Ленине его родной сестры А. И. Ульяновой-Елизаровой.

Каковы были основания для заточения книг?

«Конармия» Бабеля была закрыта в спецхран потому, что коноармейцы выведены «грабителями, мародерами и насильниками, многие бойцы настроены упаднически и не верят в победу» (17). К тому же и автор репрессирован. «Говорит Ленинград» Ольги Бергольц запрещен из-за крайне подозрительного отношения «к литературе, посвященной теме блокады. Страдания, голод, повальная смерть ленинградцев — все это не вписывалось в парадно-фанфарный героизм в сталинском представлении» (18).

Как изымались книги из библиотек, красноречиво говорят выступления сотрудников пензенского Облито. Начальник Управления цензуры Яков Васильевич Тумаков (производственное совещание 6 июля 1949 года): «В первую очередь надо проверять большие библиотеки, не проверять библиотеки это политическое преступление» (19). Сотрудник управления Шефтер (19 сентября 1951 года): «Мной проверено в городе около 50 библиотек. В большинстве библиотек не проведена полная инвентаризация. Имеют ме-

сто случаи, когда библиотекари утерянные книги заменяют ненужной устаревшей литературой... Не все зав. библиотек серьезно относятся к проверке. В результате чего в ряде библиотек мной обнаружены политически вредные книги, которые ни в коем случае нельзя держать на полках. Следует пересмотреть кадры библиотекарей и неспособных немедленно устранить. Неплохо бы организовать учебу с библиотекарями по техническим вопросам, производить обмен опытом работы. Все эти мероприятия помогут нам изжить серьезные недостатки в работе отдельных библиотекарей» (20).

Таблица № 3

Количество проверок и изъятой литературы в библиотеках Пензенской области (1951-1952 гг.)

пункты сравнения	1951 год	1952 год
Количество проверенных библиотек	2413	3297
Количество изъятой литературы, экз.	13904	13577
Количество изъятых названий	25778	7374

Источник: Отчеты Пензенского областного управления по делам литературы и издательств за 1951 и 1952 годы // ГАПО. Ф. р. 1733. Оп. 1. Д. 37.

Проверки библиотек в области шли ежемесячно. Наряду со штатными сотрудниками Обллито в них принимали участие районные уполномоченные. Это были партийные и советские работники, руководители районных отделов культуры, клубов, директора школ. Существовали специальные плановые показатели, которые следовало выполнять. О плотности проводимых проверок свидетельствуют следующие цифры. В 1951 году в Пензенской области было 1137 библиотек: 324 находились в системе комитета по делам культпросветучреждений, 152 — ВЦСПС, 514 — Министерства просвещения, 147 (по отчетам) имели иную ведомственную принадлежность. В год было проведено 2413 проверок, то есть в среднем каждая библиотека проверялась 2 раза. Особый пресс испытывали городские, сельские и районные общественные библиотеки. Здесь про-

верки шли ежемесячно. Практически «вся изъятая и снятая литература», говорила на совещании 8 декабря 1949 года цензор по контролю библиотек общественного пользования А. Н. Осипова, «немедленно уничтожается путем сожжения» (21). Отдельные экземпляры направлялись в спецфонд. В нем, по словам Осиповой, насчитывалось на октябрь 1949 года 1800 книг. Фонд пополнялся книгами из библиотек фармацевтической школы и велозавода Пензы. «В настоящее время его пополнение идет, но очень медленно. Так как нечем его пополнять», — сетовала Осипова.

Приведенная А. Н. Осиповой цифра чрезвычайно важна. Известно, что объем книгохранилища спецфонда (он указывался в ежегодных годовых отчетах директора Лермонтовской библиотеки) (22) был 1500 экземпляров. В середине 1948 года в хранилище было 1000 книг, в 1949 году — 1800 (цифра Осиповой). На 1 января 1958 года (с учетом реабилитированной литературы) в спецфонде имелось 3247 экземпляров (23). Другими словами, количество книг в фонде было в 2,2 раза больше его фактической емкости.

Специальный фонд Пензенской областной библиотеки просуществовал до 1991 года, когда был ликвидирован, как и в других библиотеках страны, одновременно с Главлитом. Картотека спецфонда была расформирована и влита в генеральный каталог библиотеки. В общем книгохранилище оказались и заточенные в нем ранее книги. Из изданий, поступивших в спецхран в 1948 году, «полный срок» (43 года) отбыли 133. Вот некоторые из них: репринтное издание «Правды», главной газеты коммунистической партии СССР (номера за 1917 год), «Записки о революции» меньшевика Николая Суханова (издание 1919 года), сборник статей «Парижская коммуна» (1932), «Литературные силуэты» Анатолия Луначарского (1924) и «Первый народный календарь на 1919 год».

Примечания

1. *Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. р. 253. Оп. 1. Д. 2002. Без нумерации.*

2. *ГАПО. Ф. р.1733. Оп. 1. Д. 27. Л. 59.*

3. *Здесь и далее используются книги приказов Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова 1936-1947 и 1947-1958 годов. Книги хранятся в библиотеке имени М. Ю. Лермонтова.*

4. *ГАПО. Ф. р. 1733. Оп 1. Д. 27. Л .92.*

5. *Там же. Л. 92-92 об.*

6. *Инструкции о спецфондах литературы при библиотеках Советского Союза опубликованы на сайте «Открытый текст» См.: // http://www.opentextnn.ru/*

7. *ГАПО. Ф. р. 1733. Оп. 1. Д. 37. Л. 309.*

8. *Там же. Л. 308-309.*

9. *Там же. Л. 245-246.*

10. *Перечень приведен по инвентарной книге № 1 спецфонда Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова (1948-1960 гг.)*

11. *Там же. Ф. п. 148. Оп. 1. Д. 3408. Л. 42.*

12. *Там же. Ф. п. 148.Оп.1. Д.3410. л. 53-55.*

13. *Кураев В. Октябрь в Пензе. Пенза, 1927. С. 34.*

14. *Кураев В. Октябрь в Пензе. Пенза, 1957. С. 42.*

15. *Подсчет произведен по инвентарной книге № 1 спецфонда Пензенской областной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова (1948-1960 гг.).*

16. *Блюм А. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов 1917-1991. СПб., 2003. С. 10.*

17. *Там же. С. 44.*

18. *Там же. С. 50-51.*

19. *ГАПО. Ф. р. 1733. Оп. 1. Д. 33. Л. 10 об.*

20. *Там же. Л. 43.*

21. *ГАПО. Ф. р. 1733. Оп. 1. Д. 33. Л. 45.*

22. *Отчеты о работе Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова за 1947-1953 годы хранятся в ГБУК «Пензенская областная библиотека имени М. Ю. .Лермонтова».*

23. *ГАПО. Ф. р. 1733. Оп. 1. Д. 37. Л. 308.*

Большую часть книжного фонда дореволюционной Лермонтовки составляли добровольные пожертвования граждан и организаций. Некоторые из этих изданий пережили советский период и до сих пор хранятся в библиотеке. Другие (из указанного в первой главе «архива») исчезли навсегда.

Самые крупные собрания книг в дореволюционное время поступили от княгини Голицыной и дворянки Ховриной (так указано в отчете библиотеки). От Голицыной — 2020 томов (годы пожертвования — 1909/1910, 1911/1912), от Ховриных — 835 томов (1896/1897, 1897/1898, 1898/1899, 1900/1901, 1901/1902) (1). Персоналии дарителей в отчетах библиотеки были обозначены «княгиня Голицына», «Ховрина» и «Л. Ховрина». Краевед О. М. Савин, исследовавший данный вопрос, объединил «Ховрину» и «Л. Ховрину» в одно лицо, а в отношении Голицыной предположил, что это пензенская помещица Мария Александровна Голицына (2). Каких-либо других суждений о жертвователях высказано не было. Между тем, работа с фондом книг и рукописей XIX в., хранящихся в Лермонтовке, позволяет скорректировать выводы О.М. Савина, а где-то предложить и новую интерпретацию имеющихся фактов.

Библиотека Ховриных

Отождествление дарителей «Ховриной» и «Л. Ховриной», как одного лица, представляется верным. В пользу этого говорят близкие даты сделанных ими пожертвований. «Л. Ховрина» — это, скорее всего, Лидия Леонидовна Ховрина (1865-?) (3), дочь пензенского дворянина Леонида Николаевича Ховрина (1825-1865), помещика села Саловки, что под Пензой. Лидия Ховрина (возможно, ее сестра Елизавета) фигурирует в семейной переписке писателя Льва Николаевича Толстого. Софья Андреевна Толстая 8 декабря 1884 года сообщала супругу из Москвы, что она катается на коньках вместе с Ховриной (4).

Пожертвованная Л. Л. Ховриной библиотека включала в себя как печатные издания, так и рукописи. Сохранившаяся их часть — это книги из библиотек деда и бабушки Ли-

дии Леонидовны по отцовской линии Николая Васильевича и Марии Дмитриевны Ховриных, ее прабабки по линии отца Александры Степановны Ховриной и деда по материнской линии полковника Любима Андреевича Енгалычева. Рукописи — ученические тетради Л. А. Енгалычева. Об этом говорят одинаковые по цвету и исполнению переплеты книг (одна из особенностей библиотек одного владельца), сделанные на них пометки и подписанные тетради.

Вот примеры помет. На первом томе «Оснований всеобщей истории» аббата Миллота (М., 1804): «Из книг, принадлежавших Алекс. Ховриной». На пятой части «Писем русского путешественника» (автор Н.М. Карамзин, М.,1801): «Из библиотеки Ал. Ховриной». Здесь же, на внутренней стороне обложки, имеются записи, сделанные пером и орешковыми чернилами: «проба пера», «А. Ховрина» и на французском языке: «mon la plus grande» (моя самая большая — ***Д. М.***).

Запись о владельце присутствует на издании «Путешествия по Сирии» Авраама Норова (часть 1): «Из библиотеки Н. Ховрина. 1830». Такие же записи имеются на книгах «О жизни и сочинениях Озерова», «История царствования Лудовика XIV и Лудовика XV королей Франции (М., 1809).

Марии Дмитриевне Ховриной принадлежала книга «Краткая российская история, изданная для народных училищ Российской империи» (Спб., 1824). На книге помета: «М. Д. Ховрина».

Подписанными являются книги «Опыт исторический, политический и нравственный о древних и новейших переворотах» Шатобриана (Спб.,1807), «Новейшая всеобщая география» (Спб.,1810), «Карманная библиотека Аонид» (Спб., 1821) и «Воинский устав о пехотной службе» (Спб., 1822, часть 1). Подпись на французском языке: «князь Л. Енгалычев». Такой же автограф стоит на всех номерах журнала «Телескоп» за 1831 год (первый год издания журнала!) и книге «Подвиги и приключения капитана Кардици, во время войны с турками» (М., 1829). Имеется он (только на русском языке) и на ученических тетрадях Енгалычева по истории и французской грамматике (1812, 1809).

Как известно, Н. В. и М. Д. Ховрины были знакомыми А. С. Пушкина и П. А. Вяземского. Мария Дмитриевна (1801-1877) являлась хозяйкой известного литературно-художе-

ственного и музыкального салона Москвы. В нем бывали Аксаковы, Станкевич, Белинский, Гоголь.

В Саловку к Ховриным в 1828 г. заезжал П. А. Вяземский, направляясь к жене в село Мещерское (ныне Сердобский район Пензенской области). Родная сестра М. Д. Ховриной (урожденной Лужиной) Варвара Дмитриевна была возлюбленной М. Ю. Лермонтова. Он посвятил ей стихотворение «К Л. (У ног других не забывал…)» (5).

Довольно интересна запись на обложке «Подвигов и приключений капитана Кардици, во время войны с турками». Она говорит о принадлежности книги князю Енгалычеву (? — после 1835) и содержит целое послание, адресованное им какому-то высокопоставленному лицу (мужчине). Вот её текст: «…возбудили во мне смелость прибегнуть к Вам, прося уделить несколько минут на прочтение подносимой Вам книжки, печатанной с позволения Правительства. Оставляю на собственный Ваш Суд, дает ли мне служба моя и настоящее мое положение некоторое право утруждать Ваше Сиятельство, но обстоятельства и бедственное положение вынудили меня обратиться к Вам с покорнейшею просьбой, о неоставлении меня Вашим пособием, которое останется в душе моей незабвенным».

В книге «Подвигов и приключений…» речь идет о греке И. Н. Кардици, по призыву Екатерины II оставившем венецианскую службу и в чине капитана русского флота сражавшимся в русско-турецкой войне. Такое же издание книги, было в личной библиотеке А. С. Пушкина (6). Интересная деталь: несмотря на то, что Пензенское дворянское собрание в 1825 г. не утвердило Л. А. Енгалычева в княжеском достоинстве (7), он все равно в течение всей своей жизни подписывался (сохранившиеся автографы на книгах и журналах, хранящихся в Лермонтовке) как «князь Енгалычев».

Л. А. Енгалычев — дед Лидии Леонидовны Ховриной по линии матери Евдокии Любимовны (1833-1895), вышедшей замуж за Леонида Николаевича Ховрина (1825-1865) (8).

Установить точный состав книг, переданных Л. Л. Ховриной в 1896-1902 гг. общественной библиотеке имени М. Ю. Лермонтова, из-за отсутствия соответствующих источников не возможно. Достоверно устанавливаются только 16 книг из ховринской библиотеки и 4 рукописных тетради.

Библиотека Голицыных

О. М. Савин считал, что дарителем Лермонтовки в 1909-1912 гг. была пензенская помещица Мария Александровна Голицына. Однако выявленные в фонде Лермонтовской библиотеки книги с экслибрисом Сергея Голицына (и дореволюционным штампом библиотеки), позволяют поставить под сомнение сделанный вывод. Они указывают не на третью, а на четвертую линию третьей ветви Голицыных, имевших обширные земельные владения в Пензенском крае (9). И дарителем, скорее всего, была не княгиня (как указано в отчете библиотеки), а княжна Анна Сергеевна Голицына (1853-1916), владевшая в год дарения почти семью тысячами десятин земли в Пензенском уезде (10).

Между ней и владельцем книг с указанным экслибрисом прослеживается кровное родство. Вышеназванный Сергей Голицын — это ее отец Сергей Сергеевич Голицын (1805-1868), генерал-лейтенант артиллерии, инспектор оружейных заводов (до 1858) (11).

Книг с одинаковым экслибрисом (герб рода Голицыных и надпись «Сергей Голицын») в Пензенской областной библиотеке три: «О нравах и обычаях римлян» (Спб., 1787. Т. 1-2) и «Журнал общеполезных сведений или библиотека по части промышленности, сельского хозяйства и наук к ним относящихся», издаваемая Н. Атрышковым (1855, кн. 1). Годы издания их позволяют утверждать, что первая, возможно, досталась Сергею Сергеевичу от отца Сергея Ивановича Голицына (1766-1831) (12), писателя-переводчика, а вторая приобреталась им уже самостоятельно.

Анна Сергеевна родилась в пору нахождения Сергея Голицына в звании генерал-майора в свите императора Николая I. Её матерью была Александра Петровна (урожденная Шаховская). В апреле 1872 г. Анна Голицына обвенчалась с нижегородским дворянином Александром Александровичем Соловцовым (1852-1895), студентом Московского университета (13). Венчание состоялось в селе Князевка Петровского уезда Саратовской губернии, где Голицына была помещицей. После брака Анна Сергеевна и Александр Александрович Соловцовы жили в селе Соловцовке Пензенского уезда Пензенской губернии (14). Через двенадцать лет после свадьбы, в 1884 г., супруги Соловцовы развелись. Как

гласит народная легенда, причиной развода стала измена мужа. Анна Сергеевна застала своего мужа в Москве в объятиях любовницы цыганки. Она одна возвратилась обратно и уехала из Соловцовки в Князевку. С мужем больше никогда не встречалась. Впрочем, есть и другая версия происшедшего, где причиной развода стало «прелюбодеяние» самой Соловцовой (15).

В 1887 г. Анна Сергеевна, вернувшая себе после развода фамилию Голицына, жила в Князевке (16). В этом же году, она была внесена в дворянскую родословную книгу Пензенской губернии. Мотивы, толкнувшие А.С. Голицыну, передать книги из своей библиотеки в Лермонтовку, неизвестны. Но ее пожертвование стало самым крупным за всю историю общественной библиотеки, составив 15 % от всех изданий, подаренных ей до революции (17). В этом отношении Анна Сергеевна Голицына — самый крупный даритель Лермонтовской библиотеки из частных лиц.

К сожалению, как и в случае с библиотекой Ховриных, выявить весь состав голицынской библиотеки, невозможно. Сегодня достоверно, благодаря экслибрисам, можно говорить только о трех томах книг, входивших в нее.

***

После революции традиция дарения книг Лермонтовке гражданами оборвалась. Книги поступали в библиотеку из государственных издательств и коллекторов, органов власти, цензуры, книжных магазинов, в процессе текущего обмена с другими библиотеками. Первым, кто сломал такой порядок вещей, оказался литературовед и краевед Александр Вениаминович Храбровицкий (1912-1989). В 1949 году он передал Лермонтовке, читателем которой был, часть своей личной библиотеки. Об обстоятельствах передачи книг Храбровицкий рассказал в своих воспоминаниях. Храбровицкий, третируемый областной властью, после допроса в местном отделении органов государственной безопасности готовился к аресту. И «почувствовав хрупкость существования, стал пристраивать в музей, библиотеку, архив то, что имеет научную ценность». «Библиотеке,— писал он, — я подарил 100 книг с автографами...» (18)

Первые издания, подаренные А. В. Храбровицким, были записаны в инвентарные книги 30 июня 1949 г.: В. С. Спиридонов «Л. Н. Толстой» и А. С. Серафимович «Железный поток» (19). Сегодня эти и подаренные в дальнейшем книги хранятся в фонде областной библиотеки как отдельная коллекция.

Цифра в сто книг, указанная А. В. Храбровицким, ретроспективна. Она показывает количество изданий, переданных Александром Вениаминовичем на момент написания воспоминаний (первая половина 60-х гг. XX века). На самом деле количество книг, переданных Храбровицким в библиотеку к его отъезду из Пензы (число устанавливается по дате автографа) — 69, что составляет 60 % всей коллекции книг в ее современном состоянии. Остальные 40 % переданы А. В. Храбровицким в библиотеку уже после его отъезда из Пензы. Общее число изданий в коллекции — 120. Связь Александра Храбровицкого с Пензой и областной библиотекой в период его проживания в Москве устанавливается дневниковыми записями самого Храбровицкого, второго секретаря обкома партии Г. В. Мясникова, публикациями Храбровицкого в местной прессе и передаче им библиотеке собственноручно составленного библиографического указателя своих работ.

Главная ценность коллекции Храбровицкого — автографы знаменитых людей на входящих в нее изданиях. Сами издания не являются редкими и представляют собой массовую печатную продукцию советского времени. Книги, изданные до революции 1917 года, в коллекции Храбровицкого отсутствуют. Автографы определяют хронологические рамки коллекции: 1944 — 1988 годы. Последний год является также крайним по дате поступления книг от Храбровицкого в областную библиотеку.

Первый автограф, находящийся в собрании, принадлежит писателю С. Я. Маршаку: «Дорогому Александру Вениаминовичу Храбровицкому с пожеланиями успехов в его просветительской работе. С. Маршак, 3 февраля 1944 г.» Автограф оставлен на книге Маршака «Сказки, песни, загадки», изданной в 1942 г.

Последний автограф коллекции — С. Л. Богиной, кандидата исторических наук, одного из авторов книги «Революционер-народник Порфирий Иванович Войнаральский»: «Ува-

жаемому Александру Вениаминовичу с благодарностью за полезные советы при создании этой книги от автора Светланы Леонидовны Богиной и с наилучшими новогодними пожеланиями здоровья и всякого благополучия, 3 января 1988 г.».

Как правило, в коллекции А. В. Храбровицкого представлены один-два автографа авторов (для переводных изданий — переводчиков) или героев книг. С некоторыми из них, как К. И. Чуковский и С. В. Михалков Храбровицкий был неплохо знаком. В годы Великой Отечественной войны, работая в редакции газеты «Сталинское знамя», А. В. Храбровицкий курировал выпуск в Пензе книг данных авторов.

Корней Чуковский (на книге «Одолеем Бармалея» — Пенза, 1943 г.): «Другу этой книжки Александру Вениаминовичу Храбровицкому от благодарного автора». Сергей Михалков (на книге «Для больших и маленьких» — Москва, 1944): «Жаль, Александр Вениаминович, что я не пензяк! С. Михалков 11 февраля 1945 г. Спасибо Вам за то, что и москвичей не забываете!»

Впрочем, дружественные строки не отражали, скорее всего, реального отношения авторов к Храбровицкому, как и его к ним. Негативные отзывы о Михалкове и Чуковском содержаться в воспоминаниях Храбровицкого.

Из находящихся в коллекции автографов больше всего принадлежит историку и филологу Н.К. Пиксанову (5) и литературоведу Е.А. Таратуте (4). Автографы Пиксанова оставлены на его книгах: «О классиках» (Москва, 1933); «Горький и наука» (М.—Л.,1948), статьях «Тридцать лет борьбы и достижений. Итоги изучения русской литературы за 1917-1947 гг.» (оттиск «Вестника Московского университета» № 11, 1947); «Ломоносов и северно-русская культура» (журнал «Наука и жизнь» 1945, № 11—12), стенограмме публичной лекции «А.С. Грибоедов и его творчество» (1945).

С Евгенией Александровной Таратутой А. В. Храбровицкого связывали теплые дружеские отношения. Она была одной из немногих, внесенных Храбровицким в созданный им под конец жизни список хороших людей. В нем наряду с Таратутой числились философ В. Ф. Асмус, писатели Ю. О. Домбровский и Б. К. Зайцев, историки А. А. Зимин, Р. А. Медведев и Н. Я. Эйдельман, литературовед Т. Г. Цявловская.

«Таратута — энтузиастка исследования. Она правильно сказала, что исследователем в очень сильной мере движет личное стремление узнать, интерес. Общественная сторона ее интересует меньше. Человек правдивый, чистый, добрый. Много страдала (ссылка, лагерь), но не озлоблена», — так написал о Евгении Александровне Храбровицкий в своем дневнике в марте 1959 года (20).

Евгения Таратута, дочь Александра Таратуты, известного анархиста, ученика Петра Кропоткина, создателя первого в советской России завода по производству сгущенного молока, находилась (с перерывами) в сталинских лагерях с 1937 по 1954 год. Она автор книг о народниках и биографии Э. Л. Войнич.

На последнем издании, вышедшем в Москве в 1960 году, Таратута оставила искренний отзыв Храбровицкому: «Моему верному другу в радостях и бедах — дорогому Александру Вениаминовичу Храбровицкому — без которого мне гораздо тяжелее было бы жить и работать — с глубокой благодарностью за его постоянную душевную, щедрую помощь в создании этой книги. С глубокой благодарностью за его внимание и заботу, за его дружбу. Москва, 15 ноября 1960 г.»

Другие автографы Е. А. Таратуты представлены на её книгах: «Русский друг Энгельса» (М., 1970), «Подпольная Россия» (М., 1967), «По следам Овода» (М., 1972).

Избранный перечень автографов приведен в таблице:

ФИО, годы жизни	**Род деятельности**	**Издания**	**Текст и дата автографа**
Д. Д. Благой (1893-1984)	Литературовед-пушкинист	*Д. Благой* Фонвизин (М., 1945)	Дорогому Александру Вениаминовичу с пожеланиями дальнейших успехов в его нужной работе 5 ноября 1945 г.
А. И. Ваксберг (1927-2011)	Драматург, киносценарист, публицист	А. Ваксберг Подсудимого звали искусство (М., 1967)	Дорогому Александру Вениаминовичу Храбровицкому — с очень добрыми чувствами 10 мая 1968 г.

ФИО, годы жизни	**Род деятельности**	**Издания**	**Текст и дата автографа**
И. Э. Грабарь (1871-1960)	Художник, реставратор, искусствовед	*И. Грабарь* Реставрационные работы и связанные с ними открытия памятников искусства (М-Л., 1947)	Александру Вениаминовичу Храбровицкому на память от автора 15 июня 1948 г.
Н. В. Кузьмин (1890-1987)	Художник	*М. Сокольников* Н. В. Кузьмин (М., 1946)	Александру Вениаминовичу Храбровицкому на добрую память от земляка. Николай Кузьмин. 22 июля 1948 г.
М. В. Нечкина (1901-1985)	Историк	*М. Нечкина* Следственное дело о Грибоедове (М-Л., 1945)	Многоуважаемому Александру Вениаминовичу Храбровицкому на добрую память от автора. 1 октября 1946 г.
К. Г. Паустовский (1892-1968)	Прозаик	*К. Паустовский* Мещерская сторона (М-Л., 1947)	Александру Вениаминовичу Храбровицкому — в знак общей любви к краеведению. 6 октября 1948 г.
К. В. Пигарёв (правнук Ф. И. Тютчева) (1911-1984)	Музеевед, директор музея-усадьбы «Мураново»	*Ф. Тютчев.* Стихотворения (М. ,1945)	Александру Вениаминовичу Храбровицкому на память о посещении Муранова от правнука Тютчева. 16 ноября 1945 г.

ФИО, годы жизни	Род деятельности	Издания	Текст и дата автографа
Т. З. Сёмушкин (1900-1970)	Прозаик	*Т. Семушкин* Алитет уходит в горы (М., 1947)	Александру Вениаминовичу Храбровицкому в знак уважения 15 января 1948 г.
А. С. Серафимович (1863-1949)	Прозаик	*А. Серафимович* Железный поток (М., 1937)	Александру Вениаминовичу Храбровицкому на память 20 ноября 1945 г.
С. Я. Штрайх (1879-1957)	Литературовед, историк	*С. Штрайх* Академик А. Н. Крылов (М-Л., 1944)	Александру Храбровицкому с уважением 7 декабря 1945 г.

Коллекция книг А. В. Храбровицкого — это уникальное собрание автографов на печатных изданиях советского периода отечественной истории. Уникальное — значит, неповторимое. Она отражает не только круг общения Храбровицкого, своего непосредственного создателя, но и является хранилищем собственноручных подписей столичных знаменитостей, выдающихся деятелей науки и культуры, адресованных представителю (на тот момент времени) провинциальной культуры.

Сам Александр Вениаминович Храбровицкий вошел в историю русской литературы как крупнейший специалист по жизни и творчеству В. Г. Короленко, а в историю пензенского краеведения — как основоположник его литературного направления.

Примечания

1. *Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова (1909/1910). Пенза, 1911. С. 28; Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова (1911/1912). Пенза, 1913; Отчет Пен-*

зенской общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова (1896/1897). Пенза, 1898. С. 13; Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова (1897/1898). Пенза, 1899. С. 17; Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова (1898/1899). Пенза, 1900. С. 26; Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова (1900/1901). Пенза, 1902. С. 18; Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова (1901/1902). Пенза, 1903. С. 19.

2. *Савин О. М. Родник воды живой. Пенза, 1992. С. 76-79.*

3. *О Ховриных см.: Тюстин А. В. Пензенские дворяне Лужины в истории и культуре России // «Пензенские хроники: краеведческий портал» (дата обращения 17.02.2014)*

4. *Толстая С. А. Письма к Л. Н. Толстому. М.- Л.: Academia, 1936. С. 277.*

5. *Алексеев Д. А. Лермонтов. Исследования и находки. М., 2013. С. 166.*

6. *Головин В. В. Несколько русских книг из библиотеки Пушкина: К расшифровке описи книг, не сохранившихся в библиотеке // Временник Пушкинской комиссии. СПб, 1991. Вып. 24. С. 187.*

7. *Дворянские роды Российской империи. М., 1996. Т. 3. С. 139.*

8. *Брак Л. Н. Ховрина и Е. Л. Енгалычевой был заключен 8 февраля 1856 г. (старый стиль) в церкви села Адриановское Петровского уезда Саратовской губернии. См.: Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 196. Оп. 2. Д. 3379. Л. 6.*

9. *Классификация дана по книге «Дворянские роды Российской империи». Спб., 1995. Т. 2. С. 34-59.*

10. *ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. д. 2848а. Л. 56 об-57.*

11. *ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 581. Л. 1-2; Дворянские роды Российской империи. Т. 2. С. 49.*

12. *Дворянские роды Российской империи. Т. 2. С. 48-49.*

13. *ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 581. Л. 2.*

14. *Там же. Л. 3.*

15. *Дворжанский А. Соловцовы, помещики // Сайт Сергиевского храма села Соловцовка Пензенского района (дата обращения 17.02.2014).*

16. *ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 581. Л. 1,11.*

17. *Подсчет произведен по всем отчетам Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова за период с 1892 по 1914 г.*

18. *Храбровицкий А. В. Очерк моей жизни. М.: Новое Литературное обозрение, 2012. С. 56.*

19. *См.: Инвентарная книга Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова № 37. Л. 95 об-96. В инвентарной книге была сделана запись: «с автографами, переданные А. В. Храбровицким».*

20. *Там же. С. 129.*

Приложение № 1

В. И.ПРОСВИРНИН
Послеоктябрьский период в истории библиотеки (1917-1941)
Фрагменты

Валентин Иванович Просвирнин (1869-1950) — врач, член Правления и председатель Лермонтовского общества (1911-1914 годы). Участник русско-японской и Первой мировой войн. После революции работал в Пензенской областной библиотеке имени М.Ю. Лермонтова. Участник Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу от Пензенской губернии (июнь 1911 года). Оставил воспоминания о Лермонтовской библиотеке Пензы, охватывающие период с конца XIX по сороковые годы XX века. Воспоминания имеют политизированный характер, написаны с позиций «Краткого курса истории ВКП (б)». Публикуются частично, в своих наиболее интересных фрагментах. Полный текст воспоминаний хранится в Пензенской областной библиотеке имени М. Ю. Лермонтова.

Шел 1917 год. Великая Октябрьская революция смела Временное правительство, но в городе Пензе еще долгие дни у власти стояла городская управа с ее эсеровско-черносотенным составом. Черносотенцы и эсеры организовали саботаж против советской власти, призывая интеллигенцию не подчиняться декретам большевиков.

Большинство из членов старого правления Лермонтовской библиотеки, том числе и его председатель — врач В. И. Просвирнин находились с 1914 года на фронте. Новое же правление Лермонтовской библиотеки состояло из лиц, находящихся под влиянием городской управы и земства, а потому, как и эсеры, новый состав правления библиотеки имени М. Ю. Лермонтова лишь на словах стояли за дело народного образования и развития внешкольных учреждений, но в жизни их слово расходилось с делом. /…/

Только после разгона городской управы и твердого установления Советской власти в Пензе (декабрь 1917 года) библиотечное дело и чтение книг стало общедоступным. В скором времени после разгона городской управы в библиотеку имени Лермонтова вливаются крупные библиотеки и реквизированные крупные частные библиотеки, они-то и положили начало научному отделению лермонтовской библиотеки. В первые дни Советской власти в Пензе библиотека имени Лермонтова, получившая название Центральной губернской библиотеки, берется на государственный бюджет и передается в ведение губернского отдела народного образования. Книжный фонд библиотеки рос с каждым днем. Если к 1917 году книг в библиотеке было 48 тысяч, то к 1919 году книг стало около 100 тысяч экземпляров. Старое деревянное помещение библиотеки (на углу бывших улиц Суворовской и Садовой) становится тесным и небезопасным в пожарном отношении.

И в начале 1919 года губоно содействует переселению библиотеки в каменное помещение в центре города (Московская улица), причем из общедоступного отделения выделяется научное отделение (как филиал Лермонтовской библиотеки) и помещается в Южном районе города на углу улиц Калинина и Пулемётной. Осенью 1919 года при общедоступном отделении библиотеки имени М. Ю. Лермонтова открывается детское отделение, в которое выделяется вся детская литература из взрослого отделения.

Детское отделение проводило большую массовую работу с детьми: громкие читки, беседы, организовывало спектакли силами детей. Отделение взрослых проводило лекции и доклады на разнообразные темы, систематически организовывало книжные выставки. В 1919 году в отделении взрослых читателей было всего 667 человек из них: 460 мужчин и 207 женщин. По составу читатели разделялись: рабочих — 20 человек, служащих 235, учащихся 212 и прочих 200 человек.

В этом же 1919 году выделяется книжный фонд для передвижного отдела. И библиотека комплектовала передвижные библиотеки для фабрик, заводов и учреждений. Только с этого момента книга стала проникать в самые широкие слои населения. Но бывшее торговое помещение, в котором находилась библиотека, было неудобное для организа-

ции массовой работы и тесным для размещения книжного фонда. Поэтому в 1924 году губоно снова переводит библиотеку имени Лермонтова в каменное помещение на Кировской улице (бывший дом Солнышкиной). Дом был обширнее прежнего, но такой неудобный для размещения книжного фонда, который частью пришлось разместить в подвальном помещении. В новом помещении библиотека открывает уголок Ленина, организует книжные выставки по вопросам техники, по общественно-политическим и экономическим вопросам. В этом же 1924 году открыто было нацменское отделение и театральный отдел, оказавший большую помощь местным и районным драмкружкам в выборе пьес. Но и это помещение становится тесным. Назрела мысль иметь свое специальное здание.

Помещение, начатое строиться правлением Лермонтовской библиотеки в 1914 году, стояло недостроенным. В 1926 году городской Совет возбудил опрос о достройке здания библиотеки на улице Белинской, рядом со сквером имени М. Ю. Лермонтова и в этом же году городской коммунальный отдел приступил к работам.

Осенью 1927 года, ко дню десятилетия Советской власти, здание библиотеки было достроено и к началу 1928 года книжный фонд библиотеки перевозится в новое, просторное, удобное и красивое здание. В это же время научное отделение библиотеки сливается с общедоступным.

Библиотечная сеть по городу разрасталась все более и более. Не было ни одного профсоюзного клуба, ни одной фабрики, ни одного завода без библиотеки.

Таким образом, население города стало иметь более широкую сеть библиотек, чем до революции. /…/

За период с 1922 по 1934 год библиотека имени М. Ю. Лермонтова приняла громадное количество книг из библиотек, свернувших свою работу по причине ликвидации учреждений (1928-1929 годы). /…/

Библиотека имени Лермонтова не замыкалась в узкие рамки своей внутренней работы. Библиотекари проводили громкие читки, беседы среди рабочих промышленных предприятий города. В стенах библиотеки проводились литературные вечера, читательские конференции, доклады, беседы, велась и справочная работа. Не менее важную работу

проводило нацменское отделение, которое, кроме громких читок и бесед, книжных выставок, имело драмкружок, который ставил постановки на клубных сценах.

С 1932 года нацменотделение перевели в северный район города, где большинство находилось население татар и евреев. Затем это отделение было расформировано: татарскую литературу передали в татарскую школу, еврейская библиотека была перевезена в бывшую синагогу, а в дальнейшем — в библиотеку имени В. Г. Белинского. Но за неимением специального работника эта еврейская литература лежала очень долго. Только в 1940 году областная библиотека взяла часть фонда еврейской литературы, обработала и снова наладила выдачу е еврейскому населению. /…/

В 1940 году библиотека проделала огромную работу по разбору неразобранного фонда в количестве 98,5 тысяч экземпляров. Этим книжным богатством, в особенности иностранной литературой, библиотека долгие годы не пользовалась. В конце мая 1940 года из работников областной библиотеки были организованы две бригады в количестве 10 человек, которые в 2,5 месяца работы разобрали около 100 тысяч экземпляров книг неразобранного фонда.

Благодаря ударной работе этих двух бригад библиотека разобрала этот неразобранный фонд с большой экономией государственных средств, а именно, вместо 7 тысяч рублей, ассигнованных по смете, библиотека израсходовала только 2083 рубля. Работа библиотекарей протекала в самых неблагоприятных условиях: в тесноте, при отсутствии запасных стеллажей и свободных комнат, но все же задачу разбора неразобранного фонда библиотека разрешила быстро, по-большевистски. После проведения в порядок неразобранного фонда библиотека провела дезинфекцию (газацию) с целью борьбы с книжными вредителями: грибком, жучками. /…/

Разбирая книжный фонд иностранной литературы, библиотека обнаружила уникумы, например, книгу Адама Олеариуса «Записки о России», издания 1645 года. В русском отделе имеется книга Ф.Купера «Путеводитель в пустыне или озеро — море», издания 1841 года, книга, лично принадлежавшая В. Г. Белинскому, с его автографом. Много и других ценных и редких книг. /…/

В летний период времени областная библиотека имени Лермонтова открывает в парке культуры и отдыха имени В. Г. Белинского свой филиал, где будет проводить массово-политическую работу (библиографические обзоры книг, литературные вечера, книжные выставки, читательские конференции). /…/

В будущем библиотеки — непочатый край работы в области улучшения обслуживания читателей. /…/

1941 год

Приложение № 2

М. МУХИН

Там, где питается ум

Очерк

Время, когда потребность в умственной пище была только достоянием ограниченного меньшинства людей, безвозвратно кануло. Масса вся потянулась к знанию, к книге, к учебе.

Вы можете заглянуть в современные советские библиотеки и читальни, в частности в Пензенскую центральную и в этом убедится. Она стоит на углу Белинской и Садовой улиц. Новое, продолговатое, двухэтажное здание. Скромная, заметная только вблизи надпись на двери. Посетители знают это здание и без широковещательной вывески. По одному, по двое идут они сюда с разных концов города. Пальто, кепки, картузы и шляпы, руки с мозлами и без мозолей, — всех встретишь здесь. Широкая, чистая лестница ведет на второй этаж. Там читальня… Пройдем туда.

Чистота блестящая. Свет огромных десяти окон с обеих сторон наполняет зал.

Над столом нагнулись головы читателей. Вряд ли кто из них заметит вас. Каждый ушел в свое. Одни из них, может быть, негодуют в это время, другие увлечены смешной прочитанной историей, третьи радуются вместе с героем, четвертые целиком погрузились в разгадывание сложной проблемы или задачи, поставленной перед ними книгой, пятые ругают Чемберлена или кого-нибудь из китайских генералов, шестые…

Впрочем, это бесполезно. Разве проникнешь в душу каждого читателя.

Тихо.

Тишина нарушатся сдавленным шепотом, бумажным шелестом и поскрипыванием дверной петли — это уходят старые, входят новые читатели.

Присмотритесь к ним. Каждый пришел за своим. Вот гражданин с седоватой бородкой, в больших роговых очках шарит глазами по столу, где лежат газеты. Он спешит домой из магазина. Покупки, завернутые в маленькие бумажные кульки, он положил около себя. Он зашел сюда по дороге. У него нет лишнего пятачка на покупку свежей газеты: выручит городская читальня. Найдя последний номер, он бегает глазами по заголовкам, аншлагам, шапкам. Прочитав телеграммы, он откладывает газету и, забирая свои кульки, уходит… Больше ему и не нужно.

А вот молодой человек с бритой головой в расстегнутой косоворотке, взяв газету, смотрит оглавление, открывает нужную страницу и принимается читать фельетон Михаила Кольцова. Этот любит забористые смешные истории. А вон мальчик лет шестнадцати, видно второступенец, спросив книгу по обществоведению, забирается в дальний угол. Там он раскладывает бумагу, карандаш, принимается за штудирование материала, за выписки… Он шел сюда специально работать часика на два, на три…

Но мы напрасно взялись перебирать всех читателей. Читательские интересы, привычки, способности многогранны бесконечно. Трудно проследить за ним одним беглым взглядом. Наши библиотекари годами изучают этот интересный вопрос.

Как губка впитывает читательская масса знания, накопленные человечеством веками. Это знание застыло с виду

в мертвых вещах: брошюрах, книгах, газетах, журналах… Но стоит человеческому, умудренному грамотой, вниманию прикоснутся к ним и они оживут…Заговорят, запоют, рассказывая о великом, о прекрасном чего достиг человек, чего добился человеческий труд…

Источник: «Работай и учись» (Пенза). 1928, 1 июля. № 26. С. 18.

Приложение № 3

Докладная записка о чистке Центральной Городской Библиотеки

Центральная городская библиотека проводила чистку библиотеки, начиная с июня 1930 года, кладя в основу инструктивное письмо Главполитпросвета о пересмотре массовых библиотек политпросветских и профсоюзных от 15/III.1930 г.

Всего за период с июня 1931 г. по настоящий момент изъято из передвижного фонда библиотеки 828 книг и 805 брошюр, из Детского отделения 625 книг и из главного книгохранилища 1353 книги.

Все изъятые книги переданы в архив Центральной Городской Библиотеки. Кроме того на абонементе и в читальном зале библиотеки часть книг немассового характера (тоже цифра будет выявлена в результате учета книжного имущества, который сейчас идет) переведена в нерабочее ядро библиотеки, откуда книги выдаются лишь для подготовленного читателя.

Вышеуказанная инструкция была направлена во все библиотеки города, в них направлялись и работники Центральной Городской Библиотеки для оказания помощи по чистке на местах.

Вся изъятая литература (кроме библиотеки велозавода и клуба Дзержинского) также поступала в архив Центральной Городской Библиотеки.

28/III. 33.

Зам. зав. Центр. Гор. Биб. А. Кудрявцева

Источник: Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. п. 37. Оп. 1. Д. 385. Л. 42-42 об.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пункт агитации и пропаганды
4

ЗК, или Заключенные книги
33

Обновленная традиция
47

Приложение
58

Лермонтовка:
советский формат

очерки истории 1917-1957 годы

Автор — Дмитрий Мурашов

Корректор — М. Ахметова
Компьютерная вёрстка, дизайн — И. Харчева

Отпечатано в копировально-множительном центре
ГБУК «Пензенская областная библиотека имени М. Ю. Лермонтова»

г. Пенза, пр. Строителей, 168а
http://liblermont.ru
ob@liblermont.ru

© ГБУК «Пензенская областная библиотека имени М. Ю. Лермонтова»

Брошюра, выпущенная библиотекой к 100-летию со дня смерти Белинского.

А. П. Гусева.

Абонемент, 1938 год.

В день 45-летия библиотеки, 1937 год.

В читальном зале, 1938 год.

И.С. Фёдоров.

Пензенский альманах «Земля родная» с пометками цензуры.

Здание библиотеки, 30- е годы XX в.

Сотрудники библиотеки,
20-е годы XX в.

Читальный зал, 1948 год.